

Н. НАРИМАНОВ

П И Р

СВЯЩЕННЫЙ ОЧАГ  
(ПОВЕСТЬ)  
НАДИР-ШАХ  
(ИСТОРИЧЕСКАЯ ДРАМА)



НАЧАЛЬНАЯ АССОЦИАЦИЯ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ  
ПРИ ЦИ.К. СОЮЗА С.С.Р.  
МОСКВА  
1925

Ш 6 (2-113) 4-1-62

---

---

Отпечатано в  
типо-хромолитографии  
„ИСКРА РЕВОЛЮЦИИ“  
Мосполиграф, Москва,  
Филипповский пер., 11.

Тираж 5000.  
Главлит № 28328.

---

---

Искра революции  
1917-1918 гг.  
1917-1918 гг.



Н. Н. НАРИМАНОВ.

(К 30-летию литературно-общественной и политической деятельности).

## Н. Н. Нариманов.

(К 30-летию литературно-общественной и политической деятельности).

В январе т. г. исполняется 30-ти летие литературно-общественной и политической деятельности одного из виднейших тюркских революционеров, председателя ЦИК СССР т. Н. Н. Нариманова.

Тов. Н. Н. Нариманов родился в Тифлисе в 1870 году, в бедной семье.

Ранние годы его детства и юности протекали под сильным влиянием матери, в высшей степени отзывчивой к нуждам и страданиям других. Она сама была бедная женщина, но никогда не отказывала никому в своих советах и, если нужно было — и в своей личной заботе о других. Такое отношение матери к людям, естественно, не прошло бесследно для тов. Нариманова: среди сверстников он всегда выступает за обиженных против сильных.

12-ти лет поступает он в Горийскую учительскую семинарию, где при строгом пансионном режиме продолжается его дальнейшее воспитание. Изучая здесь педагогические науки, он быстро усваивает их, в особенности заинтересовывает его психология, которая делается его любимым предметом.

В последних классах, где ясно обрисовывается его будущая деятельность среди темных крестьян, он начинает думать не только о будущих крестьянских детях, но и о самих крестьянах.

Первые два акта его драмы „Невежество“ написаны еще в стенах семинарии. По окончании семинарии тов. Нариманов получает место учителя в селе Гизиль-Аджау, Тифлисской губернии, где он впервые знакомится с крестьянской жизнью, с отсталостью крестьян того времени.

Здесь он получает богатый материал для литературной работы и в семинарии заканчивает пьесу „Невежество“, добавив еще два акта, где полностью изображается действительное невежество турецких крестьян и их отношение к просвещению.

Покушение на Александра II и его смерть застает тов. Нариманова еще в младших классах семинарии, но это имело громадное влияние на дальнейшее его политическое воспитание. Его все время занимала мысль почему убили царя? И уже в старших классах один из близких товарищей-грузин дает ему какое-то воззвание к народу. Он начинает понимать смысл всего того, что занимало его внимание долгое время и на что он никак не мог найти ответа. Критическое отношение к русской действительности того времени постепенно пробудило в нем интерес к политической и художественной литературе — отразившей быт царской России.

Царские чиновники-взяточники в „Ревизоре“ заинтересовывают его именно с этой стороны. И поэтому после окончания семинарии, с особенной любовью, он переводит впервые на турецкий язык комедию „Ревизор“.

Позже, в 1913 г., он переводит на турецкий язык драму Ге „Казнь“.

Прослужив год в сельской школе, тов. Нариманов был назначен в частную прогимназию в Баку. К этому времени он усиливает свою литературную и политическую деятельность.

Богатейший капиталистический центр в Закавказье — Баку с его преобладающим отсталым турецким населением, крайне бедном интеллигентными силами, отсутствие всякой периодической печати (тогда — 1892 год — не давали возможности издавать газеты на турецком языке), все это заставляет тов. Нариманова больше всего заниматься культурной работой: он открывает впервые в мусульманском мире в Баку народную общедоступную библиотеку-читальню, пожертвованием собирает русские и турецкие книги для чтения; чтобы получить бесплатно газеты для мусульман, он пишет корреспонденции в константинопольские и калькутские газеты. И, действительно, в короткое время библиотека-читальня становится популярной среди мусульманского населения, которое, не имея своей газеты, с жадностью бросается на константинопольские и индостанские газеты, в особенности на калькутскую — „Абдул Матин“, наиболее либеральную в то время среди мусульманских газет.

Очень скоро эта библиотека-читальня делается культурным центром не только для Баку, но и всего Закавказья.

Сюда приезжали из других городов Закавказья знакомиться с постановкой дела. Здесь же происходили совещания турецких культурных работников, читались новые произведения на турецком языке и т. д.

Принимая во всем этом живейшее участие, тов. Нариманов свободное время уделял составлению необходимых учебников, а также писал драмы, повести и статьи в газеты.

К этому времени относятся его учебники: грамматика турецкого языка, самоучитель турецкого языка для русских и самоучитель русского языка для турок. Из литературных произведений к этому времени относятся: 1) „Наданлык“ (Невежество), 2) „Дип Беласи“ (Беда от языка), 3) „Надир-Шах“ (историческая драма), 4) „Бегадир и Сона“ (роман), 5) „Ревизор“ (перевод с русского).

В то же самое время он был активным сотрудником „Переводчика“ — единственной тогда в России газеты, которая издавалась на русском и турецком языках в Бахчисарае. Одновременно тов. Нариманов выступает в главных ролях в пьесах с благотворительной целью в пользу бедных учеников.

Проработав таким образом 10 лет, тов. Нариманов готовится к выпускным экзаменам в гимназии, чтобы продолжать образование, когда ему было уже 30 лет, и в 1902 г. поступает на медицинский факультет Одесского (Новороссийского) университета.

Первые три года он все свое внимание сосредоточивает на изучении наук и только иногда пишет корреспонденции в газету „Переводчик“.

1906—1907 г.г. он — в водовороте революции и проводит все студенческие забастовки...

Во время забастовок (1906 г.) он находится в Баку, принимает активное участие в газете „Иршад“ (Путь), помещает свои известные в то время фельетоны на политические темы сперва под названием „Пятничные Беседы“, а потом в газете „Гейт“ — „Хафта ферьяди“ (Недельные Крики).

В это же время происходит съезд турецких учителей Закавказья. Его избирают вторым председателем съезда (первым был покойный Гасанбек Меликов, известный публицист-националист). По желанию съезда, все политические вопросы обсуждались под председательством тов. Нариманова.

На одном из заседаний съезда разбирался вопрос относительно национального самоопределения. Съезд единогласно принял предложение тов. Нариманова. Это постановление съезда показалось для Меликова черезчур революционным, и, чтобы „смягчить“ это постановление и иметь давление на съезд, он на другой день приглашает на съезд „всемогущего“ тогда миллионера З. А. Тагиева.

Тагиев на этом съезде сказал: „Вчерашнее ваше решение указывает на то, что съездом руководят недальновидные люди, в роде Нариманова. Вы знаете, кто такой Нариманов. Он в кармане не имеет ни одной копейки, учится на мой счет, а здесь смеет произносить революционные речи и вводить вас в заблуждение. Я прошу отменить вчерашнее решение, так как оно бросает тень на всю нацию перед правительством“.

При гробовом молчании тов. Нариманов заявляет: „Товарищи, в числе других стипендиатов г. Тагиева нахожусь и я, но я не знал, что г. Тагиев помогает бедным учащимся для того, чтобы они не имели своего мнения. Если до сих пор г. Тагиев помогал студентам для того, чтобы жить только мнением г. Тагиева, то во всяком случае я не могу свое прошлое и настоящее омрачать позором: молчать там, где нужно кричать. Никому я не давал права и не позволю за презренный металл заставить меня молчать в то время, когда другие в это же время не только открыто говорят, но проливают свою кровь за освобождение от царского гнета. Перед всем съездом я с радостью отказываюсь от стипендии г. Тагиева, чтобы быть свободным от тиранов нашего времени и чтобы потомки наши не продавали себя за презренное золото“.

После этих слов тов. Нариманова весь съезд встает, как один человек, и устраивает овацию в честь тов. Нариманова.

Г. Тагиев, конечно, не ожидал такого исхода и ушел с собрания оскандалившись.

В это же почти время тов. Нариманов основал персидскую социал-демократическую партию „Ичтмаюн Амниюн“, которая в короткое время настолько окрепла, что тогда считалась руководящим органом в революционном движении Персии.

Мы не останавливаемся подробно на его работе среди персидских рабочих в Баку, но не можем не отметить, что т. Нариманов, хотя и позже, в 1908 году, окончив университет,

попал в тюрьму именно за свою работу в Персии. При обыске у него нашлись те документы, которые искала жандармерия.

После прекращения забастовки тов. Нариманов возвращается в университет, где продолжает свою научную и политическую работу. Политическая его работа здесь ограничивается борьбой с черносотенными профессорами Одесского университета, во главе с Левашевым, ректором университета.

В 1908 году, по окончании университетского курса, приезжает в Баку, где встречает холодный прием со стороны тех должностных лиц в Городской Думе, которые как-раз обязаны были ему своим положением.

Это объяснялось тем обстоятельством, что г. Тагиевым, влиятельнейшим гласным Думы, дан был приказ никуда не принимать т. Нариманова.

Не имея средств открыть врачебный кабинет, он покидает Баку и переселяется в Тифлис, для работы в лечебнице.

Спустя месяц, тов. Нариманов был арестован и заключен в Метехский замок.

Через семь месяцев его высылают в гор. Астрахань на пять лет.

Несколько оправившись, он здесь опять развивает свою литературную и политическую работу: в тюркской газете „Бурхон Таракки“ помещает свои статьи на научные и политические темы, читает лекции на тюркском языке, печатает книжки „О холере“, „О чахотке“, „О женском вопросе“ и др.

Одновременно тов. Нариманов знакомится с тов. Шаумяном и Хумаряном, и вместе они руководят идейной стороной газеты „Астраханский Край“. Вскоре, однако, основатель газеты, будучи недоволен ее „курсом“, отказывается отпустить деньги, и газета таким образом закрывается.

В это же время открывается в Астрахани народный университет, куда тов. Нариманов избирается сперва товарищем председателя, а затем и председателем. Он приглашает к себе, в качестве секретаря, тов. Шаумяна, и с этого времени начинается новая политическая жизнь в народном университете.

Тов. Нариманова избирают, вопреки желаниям губернатора, в гласные Городской Думы.

Отбыв ссылку, тов. Нариманов, с разрешения наместника Кавказа, в 1913 г. переезжает в Баку, где с новой энергией начинает работать в местных газетах, но скоро редакции отка-

зываются принимать его статьи в виду революционности их содержания.

Он тогда начинает усиленно заниматься научной и литературной работой: пишет повести „Нир“ (Священный очаг) и „Дядя“ (где изображается г. Тагиев, как благотворитель); переводит пьесу „Казнь“ Ге и печатает научные работы „Трахом“ и „Чахотка“.

Политическая работа шла в подпольи в организации „Гуммет“ до 1917 г., когда „Гуммет“ сливается с коммунистической партией (большевиков).

С этого же времени тов. Нариманов снимается партией с работы врача и ему поручается ряд ответственных должностей.

С 1918 г. он — член Совпаркома — комиссар городского хозяйства и вместе с тем редактор партийной газеты „Гуммет“.

Вследствие болезни, тов. Нариманов вынужден был вскоре временно прервать работу, но затем оправившись, он назначается партией комиссаром народного просвещения. В это же время он пишет свое воззвание „С каким лозунгом мы идем на Кавказ“. Эта брошюра была в Азербайджане распространена в тысячах экземпляров.

В 1919 г. тов. Нариманов вызывается партией в Москву для доклада об Азербайджане и остается здесь работать в качестве заведующего Восточным отделом при Наркоминделе и затем и заместителем народного комиссара по национальным делам.

Он помещает свои воззвания в газетах к народам Востока и известное письмо к Неджмуддину в Дагестане.

В 1920 г. он отправляется в Азербайджан в качестве председателя Азербайджанского ревкома, где потом избирается председателем Совпаркома Азербайджанской республики. В этой должности тов. Нариманов отправляется делегатом на Генуэзскую конференцию, а по возвращении избирается председателем Союзного Совета Закавказских Республик и затем Председателем ЦИК Союза ССР, в каковой должности находится и ныне.

Революционная работа за это время несколько ослабляет его литературную деятельность и он ограничивается помещением статей в газетах „Известия“ и „Бакинский Рабочий“.

С 1923 г. он опять принимается за литературную работу. За это время им написаны на тюркском языке „Ленин и Восток“ (брошюра эта переведена и на узбекский язык), „Путь к коммунизму“ и „Национальный вопрос“, которые уже готовы к печати.

## Н. Н. Нариманов—бытописатель Востока.

„О ханжи, плуты и вы глупцы всех цветов. Доканчивайте ваше дело, разжигайте мозг народа старыми суевериями, гоните его на дорогу фанатизма. Вы сами сделаетесь когда-либо ее жертвами; вы не избегнете участи неловких заклинателей, которые, наконец, оказались не в силах совладать с вызванными ими духами и были ими разорваны на куски“ (Генрих Гейне — „Стихийные духи“). Так писал когда-то Гейне по адресу немецкой религиозной реакции и противопоставлял ей отношение французов к церкви: „Вам, французам, — говорит он, — ничто не мешает справедливо оценивать древние готические формы. Для вас грандиозные соборы, каков, напр., Notre Dame de Paris ни что иное, как зодчество и романтизм, для нас они страшнейшие крепости для врагов. Для вас сатана и его адские товарищи — только поэзия; у нас есть много плутов и болванов, которые усиливаются снова утвердить философским путем верования в дьявола и в адские преступления ведьм. Что такие вещи совершаются в Мюнхене — это в порядке вещей, но что в просвещенном Вюртемберге делают попытку оправдывать древние процессы против ведьм, что почтенный писатель Юстин Кернер принялся там за воскрешение верования в порченных — это столько же „печально, сколь и противно“.

Утверждение, что для французов „сатана“ это „только поэзия“, соборы — только „зоодчество и романтизм“, несомненно, было полемическим преувеличением. Именно в „просвещенной“ Франции церковь со всеми ее придатками служила орудием не только религиозного, но и политического одурачивания масс. Капиталистическая Франция превратила целые города в „свя-

щенные очаги", куда стекалось бесконечное количество паломников в поисках "чуда" исцеления от всевозможных болезней у "святых" гротов и т. д.

Эту картину грандиозного обмана народных масс Эмиль Золя увековечил в известном романе „Лурд“. Он развернул целую систему интриг, подкуна и лжи духовенства разных рангов для поддержания легенды о чудодейственной силе Лурдского „священного очага“ и показал, как народное сказание о божественном видении, якобы явившемся больной маленькой деревенской девочке Бернадетте, церковь превратила в орудие религиозной пропаганды, создав святилища и храмы, где темная масса искала „чуда“, а духовенство богатело за счет бесконечных приношений.

„Сколько подобных святилищ и храмов появилось на лице земли благодаря какой-нибудь бедной девочке или неизвестному мальчику из жалкой семьи бедняков, избранных неба. Одна и та же история повторялась уже много раз. Сначала были видения, потом ясновидящего и ясновидящую начинали преследовать, подвергать гонениям, считая их обманщиками, потом потребность в небесном утешении охватывала толпу, начиналась пропаганда. Все это кончалось торжеством новой святости, нового культа. А потом, после блеска величия, поклонения, начинался упадок, о чудном храме все забывали и снова где-нибудь в другом месте появлялась новая избранница небес, зарождался опять новый культ, новое поклонение святыне“.

Золя рисует, как „святой грот“ в Лурде разделил экономические интересы города на две части, воевавшие между собой. „Ведь весь город жил этим самым гротом. Старый город стоял и жаловался, что ему достаются только скудные крохи, но все таки и этот доход, по правде сказать, был так велик, что отказаться от него было бы трудно, и поэтому лурдские вольнодумцы старого города, собирая дань с богомольцев, получая свою долю барышей, боялись как бы доходы не прекратились и если кто-либо слишком уж горячо сочувствовал им, разделяя их вражду к святым отцам, то они невольно пугались, как бы дело не кончилось действительно закрытием святого грота. Не следовало слишком увлекаться этой враждой“.

„Лурд“ — не лучший из романов Золя. Социальный пафос, отличающий целый ряд его произведений, исключительная способность выпукло обрисовывать отдельные фигуры представи-

телей разных социальных группировок, — в этом романе не достаточно выявлены, но „Лурд“, как символ затемнения народного сознания правящими классами Западной Европы во имя интересов этих классов, как „религиозный дурман“, на который европейская буржуазия не жалеет средств — нарисован Золя со свойственным ему мастерством.

Сфера „религиозного“ захвата в современном капиталистическом мире еще более расширилась по сравнению с той картиной, которая нарисована французским романистом. В своей книге „Выгоды религии“ Уитон Синклер рисует грандиозную картину современной, как он выражается, „церкви шарлатанов“ и бесконечными иллюстрациями быта различных религиозных групп и сект в Америке и Англии показывает, как правящие классы железными тисками религии охватили в своих интересах массы.

„Величайшее преступление современной церкви, — говорит он, — в том, что все ее влияние находится на стороне косности. Она изгоняет разум, освящает глупость, канонизирует невежество. Посмотрите, какова сила английской церкви и ее возлюбленной дочери в Америке, — эта сила во всех спорных вопросах становится на сторону реакции и обмана“.

Если „священные“ гроты в Западной Европе служили и служат мощной и по всем правилам искусства оборудованной цитаделью религиозного и политического мракобесия, то в царской России, постоянно подкреплявшей свои „основы“ „мощами“ и „чудесными явлениями“, оно представляло продукт более кустарного производства. Здесь не было Лурда, но маленькие „лурды“ были разбросаны по всей стране в виде каждый раз открывавшихся „мощей“, „обновляющихся икон“ и т. д. Многочисленные народности, умышленно державшиеся царской властью в религиозной кабале и невежестве, создали свои „священные очаги“, свои объекты поклонения, и изучение их не лишено определенного интереса, поскольку они могут послужить материалом для антирелигиозной пропаганды. Восток в этом отношении — область наиболее богатая соответствующими материалами.

Литературно-художественная критика уже неоднократно отмечала, что наша революционная эпоха не нашла пока надлежащего художественного воплощения в современной беллетристике. В меньшей еще степени она отразила религиозный быт и его постепенные сдвиги под ударами времени.

Если вообще в нашей антирелигиозной литературе мы не имеем художественных произведений, в какой-либо степени соответствующих по размаху и архитектонике „Лурду“, то само собой разумеется, это еще в меньшей мере относится к Востоку.

Изучение психологии и быта в прошлом и настоящем „религиозных изуверов“, от которых еще сейчас не отделался особенно Восток — основная задача в деле разоблачения религиозного суеверия и предрассудков. Антирелигиозная литература не всегда содержит этот необходимый элемент: в ней часто отсутствует фабула, сюжет, и недостаточно выпукло подчеркнуты бытовые особенности. В этой книжке читатель ознакомится с повестью „Пир“ („Священный очаг“), написанной одним из старейших революционеров, популярным турецким бытописателем и драматургом, председателем ЦИК СССР т. Наримановым, празднующим ныне 30-летний юбилей литературно-общественной и политической деятельности.

Повесть была написана в 1913 г. Если сейчас еще в Азербайджане, Дагестане и др. восточных республиках каждый год религиозные фанатики в день „смерти Имама Гуссейна, внука пророка“ бьют себя в грудь и ранят себе головы — можно учесть обстановку, в которой приходилось вести антирелигиозную пропаганду в дореволюционную эпоху.

Повесть „Пир“, тогда написанная, несомненно являлась тем „разоблачительным материалом“, который должен был встречен враждебно „хранителями старины“.

„Священный очаг“, в котором т. Нариманов воспроизвел один из уголков религиозного лицемерия, невежества и темноты, ценен тем, что в нем есть несомненное знакомство с бытом, психологией и социальной средой. Быть может, автору можно поставить в упрек, что он недостаточно развернул фабулу повести, оборвал конец и несколько пренебрег художественной формой, но он дал определенный сюжет, полный своеобразного колорита, рельефно подчеркнул „оригинальное“ происхождение священного очага (герой повести пытается изнасиловать женщину, но, увидев приближающегося пастуха, начинает молиться и заявил, что только-что он удостоился божественного видения и в ознаменование решил создать на этом месте священный очаг) и выдвинул основную тему настолько удачно, что повесть, несомненно, оправдывает ту агитационно-художественную задачу, которая стояла перед автором.

„Пир“, так же как и „Лурд“, — символ религиозного мракобесия. Если Лурд еще живет, то Пир уже умирает, беспощадно разоблаченный.

Создателям их можно повторить те же слова, которые приведены нами из Гейне в начале заметки.

„О, ханжи, плуты и вы, глупцы всех цветов. Докачивайте ваше дело, разжигайте мозг народа старыми суевериями, гоните его на дорогу фанатизма. Вы сами сделаетесь когда-либо его жертвами, вы не избегнете участи неловких заклинателей, которые, наконец, оказались не в силах совладать с вызванными ими духами и были ими разорваны на куски“.

В исторической драме „Надир-шах“, тов. Нариманов развертывает картину из эпохи персидских царей XVIII столетия. Надир-шах — типичный представитель восточной „пугачевщины“, выросшей в стране, где постоянно бездарные и неустойчивые правители, явившиеся к тому еще орудием в руках борьбы крупных держав, разоряли народ и открывали путь к власти выходцам из „народа“. Надир-шах, бывший разбойник, все время, в сущности, воевавший с царской властью шаха, рисуется автором, как личность, в которой, в известной мере, отражены черты „от народа“, которые символизируют народную массу.

Подлинная историческая фигура Надир-шаха, известного атамана разбойничьей шайки, воевавшего затем с различными племенами за независимость Персии и низвергнувшего шаха Тахманса (1732), возбуждая против него негодование и возмущение народа, варьируется в драме с некоторыми отклонениями от существующих в литературе характеристик Надир-шаха. Здесь исторический „скелет“, художественно преобразованный и измененный автором в связи с той задачей, которая стояла перед ним. В общем, однако, этот уклон не нарушает исторической правды и фигура разбойника, поднявшего „бунт“, изображена автором весьма рельефно, в границах тех подлинных исторических фактов, с которыми связано имя Надир-шаха.

В драме т. Нариманова Надир-шах — правитель из простого народа, склонный к широким законодательным актам. Он ведет борьбу с шахской властью, духовенством и т. д. и автор противопоставляет его слабоумному правителю царского происхождения, которого Надир-шах и низвергает. Заняв трон, Надир-шах содействует процветанию страны, вводит ряд реформ и т. д.,

но затем в обстановке придворных интриг теряет почву и погибает от рук убийц.

„Бунт“ Надир-шаха в его разбойничий период, захват шахского трона, характеристика его, как правителя „из народа“ изображены автором красочно и в общем рисунке представляют несомненный историко-литературный интерес.

Характеризуя отдельные моменты, следует, однако, отметить недостаточную местами психологическую убедительность. Надир-шах оставляет свою разбойничью деятельность под влиянием убеждений своего дяди. Этот „поворот“ не вполне подготовлен в общем построении драмы. Можно также пожалеть, что, как и в „Пире“, конец „Надир-шаха“ оборван, и фигуры, выступающие на смену убитому Надир-шаху, как-то быстро исчезают. Читатель не успевает их рассмотреть и невольно задает вопрос: кто они?

Надир-шах в исторической драме т. Нариманова — некоторая ступень к „народным героям“. Он „от народа“ и автор умело подчеркивает все то, что отличает Надир-шаха в этом отношении от правителя царского происхождения.

Царская Россия еще 25 лет тому назад запретила Надир-шаха к постановке на сцене.

„Свержение с престола двух царей в одной пьесе народом и выборы в правители из простого народа“ — была официальная причина запрещения драмы царской цензурой. „Но ведь это исторические факты“ — пытался возразить автор. „Да, ответил цензор, но не всякий факт можно проповедывать“.

„Надир-шах“ — содержательная историческая драма. В ней имеется материал, который должен увидеть зритель нашего революционного театра.

Нужно теперь иллюстрировать факты, о которых 25 лет тому назад запрещено было говорить.

С. Вельтман.

## «П И Р»

(СВЯЩЕННЫЙ ОЧАГ)

0059-8 6500

## « П И Р »

Священный очаг <sup>1)</sup>).

### I.

Был июль месяц; дни проходили жаркие.

Мешади-Аллаверан, чуть свет проснувшись для совершения утреннего намаза <sup>2)</sup> громко разбудил жену:

„Слушай, Гюль-Бадам, вставай скорее и разбуди ребенка, чтобы отправиться, пока не жарко“.

Гюль-Бадам в испуге проснулась, протирая глаза, оглянулась кругом и хотела обругать мужа, но вспомнив, что они должны отправиться на поклонение Пир, молча поправила падавшие спереди волосы, покрыла голову белым с черными горошками ситцевым платочком и завязала его в подбородке, а затем накинув на себя белого цвета платье, она зевнула и лениво встала с постели. В это время Мешади-Аллаверан произнес последние слова молитвы.

„Придешь и уберешь постель“, — сказал Мешади-Аллаверан жене: — „Нужно торопиться, время уходит, приготовь ребенка“.

Гюль-Бадам подошла к спящему ребенку, села на колени, широкими рукавами своей кисейной рубашки осторожно вытерла пот с его лба и стала будить его:

„Джаби, дорогой мой, проснись. Мы все вместе поедем“.

„Осторожней, а то он испугается“, сказал Мешади-Аллаверан, обращаясь к жене после последних слов молитвы: „Господи, дай моему ребенку здоровье“.

<sup>1)</sup> Повесть написана в 1913 г.

<sup>2)</sup> Верующий мусульманин молится в день пять раз, и эта молитва называется намазом.

И последние и первые слова его обращения к богу заключали в себе почти одни и те же слова, скорее не слова, а мысли. После каждого намаза он, поднимая руки кверху, думал:

„О, господи, ты сам свидетель тому, как я в точности исполняю твои законы: пощусь в свое время и в свое же время я совершаю намаз. Ты свидетель, мой бог, помоги“.

Со словом „помоги“ связаны были все его торговые дела: барышни, убытки и все, что составляло его материальное благосостояние.

Мешади-Аллаверан не был из числа знающих значение арабских слов молитвы: „Господи, укажи мне правильный путь“.

Если бы он знал значение этих слов, то не было бы нужды повторять их на своем тюркском языке, но вся беда была в том, что он с 15 лет совершал намаз, но что говорится в этих молитвах, он до сих пор не знал; он и не подозревал, что ежедневно во время намаза говорит:

„Господи, очисти мою душу, укажи мне правильный путь, ведущий к тебе, но не тот, который отдаляет от тебя“.

Мешади-Аллаверан не только не знал, что во время намаза он повторяет эти слова, но и сам никогда не думал обращаться к своему богу с подобными словами.

Даже один раз марсияхан<sup>1)</sup>, увлекшись, сказал слушателям: „я не говорю бейте по голове, но сядьте на колени, выслушайте следующие стихи и кто прольет несколько капель слез, тот получит от бога все, что он захочет“.

Мешади-Аллаверан действительно много плакал и мысленно просил бога: „О, боже, дай мне одного ребенка“.

Собственно говоря, Мешади-Аллаверан имел основание обращаться к своему богу с подобной просьбой; он ни в чем не нуждался. Лавка его удачно торговала и приносила хорошие барышни.

Но все же он считал себя несчастным, так как у него не было детей. Мешади-Аллаверан в первый раз женился на красивой девушке; около 10 лет они жили вместе, но детей у них не было. Тогда, наконец, он решил жениться вторично, но первая жена не соглашалась. Боязнь сильных и вредных родственников заставила его отказаться от развода и он пошел по дру-

гому пути, чтобы добиться цели: оставлял жену голодной и избивал ее. От этого, или от другой причины, первая жена скоро умерла.

Мешади-Аллаверан женился на второй, но и она забеременев, разрешилась преждевременными родами и постоянно болела.

На этот раз Мешади-Аллаверан уже не думал о разводе, в нем жило чувство жалости к этой жене, так как она была одинокой, а кроме того от родных в наследство ей досталось два дома.

Мешади-Аллаверану казалось, что если он разведется с женой, то она одна не в состоянии будет управлять этими домами...

Он уговорил больную жену пригласить „хозяйку“: и Мешади-Аллаверан в торонях взял в „хозяйки“ дома из ближайшего села вдову, рябую Гюль-Бадам.

И правду сказать, не до того было Мешади-Аллаверану, чтобы искать красивую жену. Мужчине пятьдесят пять лет, с маленькой головой, широким лицом, с косыми глазами и с большим носом, низкого роста и крашеной красной бородой нечего было особенно гнаться за красивой хозяйкой.

Он, правда, не был из таких, которые знают свои достоинства и недостатки, но в этом случае его интересовал лишь один вопрос: взять такую, которая бы могла стать матерью, а потому он остановился именно на Гюль-Бадаме.

В городе было много подходящих вдов, но он все же взял из деревни Гюль-Бадам. Здесь скрывалась тайна, известная только Мешади-Аллаверану. Но все же и другие повидимому что-то знали в постоянно с священным очагом связывали имя Гюль-Бадам. Это и побудило Мешади-Аллаверана остановить свое внимание именно на ней, так как ему казалось, что она наделит его детьми.

Надежда Мешади-Аллаверана сбылась: не прошло и года, Гюль-Бадам забеременела. В это время умерла его первая больная жена. Смерть ее сильно огорчила Мешади-Аллаверана, так как после ее смерти (как бездетной) дома достались другим наследникам. Гюль-Бадам, как вторая жена-соперница, должна была радоваться ее смерти, но она больше жалела, чем радовалась.

Гюль-Бадам была добродушной с мягким сердцем женщиной. Она не смотрела на больную, как на соперницу. Говорят, будто соперницы-жены ждут смерти друг друга. Если это вер-

<sup>1)</sup> Марсияхан—духовное лицо, специально воспевающее в траурные дни Махарама мученическую смерть имама Гусейна, внука пророка.

но, то легко себе представить то кошмарное положение, в котором находятся мусульмане с двумя-тремя женами. А таких, ведь, миллионы и следовательно миллионы ожидающих смертей других миллионов. Во всяком случае, Гюль-Бадам не была из числа тех; она питала искреннюю жалость к беспомощной своей сопернице.

Мешади-Аллаверан одно время тоже хорошо относился к этой больной жене, но с того момента, как она потеряла способность быть матерью, перенес все свое внимание на Гюль-Бадам. Он всячески оберегал ее, не позволяя спускаться и подыматься по лестнице, так как преждевременные роды первой жены бабки объясняли тем, что она подымала тяжелое. Мешади-Аллаверан верил всему этому, но больше всего он верил тому, что все это происходит от испуга.

Он вообще испугу придавал большое значение и видел в нем причину многих болезней.

Даже в последний период беременности Гюль-Бадамы он, возвращаясь из лавки вечером, входя во двор, всегда пел, чтобы Гюль-Бадам не думала, что идет посторонний человек.

Наконец, настало время родов. Дали знать Мешади-Аллаверану. Он моментально закрыл лавку, прибежал домой и распорядился пригласить двух бабок.

Роды продолжались целые сутки, и целые сутки Мешади-Аллаверан в страшном волнении не ел, не пил, прислушивался к голосам в комнате, где лежала Гюль-Бадам; то он вызовет одну бабку, то другую и спрашивает:

„Ну что, как дело идет? Что может быть?“

Он все время волновался, призывал на помощь всех святых, давал обеты и, наконец, вспомнил о священном очаге под ореховым деревом: за благополучный исход он обещал в пользу этого очага 20 рублей.

Как только он это решил, вдруг из соседней комнаты слышались возгласы: „слава Аллаху, слава Аллаху. Мальчик“.

За все время своей жизни Мешади-Аллаверан не испытывал такого чувства радости; он прыгал как ребенок; тотчас же на пожертвования и подарки ассигновал 20 рублей, затем второпях отправился на базар для покупки некоторых необходимых вещей.

Один его необычный вид указывал на то, что в его жизни произошло что-то особенное; надев один рукав чухи, другой он

оставил болтающимся на плече, а напаху надел так, что половина головы покрылась напахой, а другая половина—грязным от пота аракчуном.<sup>1)</sup>

Встречаясь с знакомыми, Мешади-Аллаверан издали здоровался довольно громко, желая обратить на себя внимание; он даже здоровался с незнакомыми. Но никто не знал о причине радости, и поэтому никто из знакомых не поздравлял его; а ему самому как-то неудобно было первому заговорить о новорожденном; тем не менее, ему очень хотелось услышать от других:

„Мешади, поздравляю с рождением сына“.

Даже самые близкие знакомые не интересовались узнать, почему всегда угрюмый, неразговорчивый Мешади-Аллаверан сегодня так весел и первый встречает с саламом, почему он сегодня одел напаху так, как никогда ранее не одевал.

Но как-будто нарочно никто не хотел интересоваться этими вопросами. Мешади-Аллаверан, наконец, сам останавливал некоторых знакомых, спрашивал их о здоровье, чтобы таким образом завязался разговор, но никто не спрашивал, почему Мешади-Аллаверану так весело.

Ему казалось, что в этот день все так сильно заняты, что некогда им интересоваться его семейным счастьем. Несмотря на это, он все же остановил очень близкого знакомого Кербалай-Худаверди и сказал:

„Друг мой, если хочешь есть долму (голубцы из виноградных листьев), то приходи вечером ко мне“.

Сказав это, Мешади-Аллаверан пристально смотрел в глаза своему другу, который, по его мнению, должен был спросить о причине радости, но к великому удивлению Мешади-Аллаверана и этот близкий его друг тоже не стал спрашивать; но все же приглашение на ужин заинтересовало Кербалай-Худаверди, который знал Мешади, как не особенно гостеприимного человека. Кербалай-Худаверди пристально посмотрел ему в глаза, точно желая в них что-то прочесть. Мешади-Аллаверан не вытерпел и спросил: „Что же так удивленно смотришь, спрашивай, спрашивай“. Кербалай-Худаверди взял за руку Мешади и сказал: „И в самом деле, по какому поводу устраивается это угощение.“

<sup>1)</sup> Аракчун—шапочка из легкой материи, которую носят под шапкой в Персии.

„Никакого угощения нет: я приглашаю только тебя, но настоящее угощение будет потом“.

— „То-есть, как потом?“

— Неужели ты не понимаешь: угощение будет через 5—6 дней.

Мешади-Аллаверан последние слова особенно подчеркнул и удивлялся, что люди не спрашивают о причине его радости, не знают о таком большом событии и почему он сам первый должен сказать: „Родился на свет божий сын мой“.

Кербалай-Худаверди не был из понятливых людей, а потому слова Мешади „через 5—6 дней“ также остались непонятными для него; необходимо было Мешади прямо сказать: „через 5—6 дней будут именины“.

Наконец, Мешади не вытерпел и сказал об именинах.

— О, молодец Мешади, поздравляю,—сказал Кербалай-Худаверди. Мешади-Аллаверан, стыдливо опустив голову произнес:

— Да, господь послал нам сына.

Сказав это, Мешади-Аллаверан посмотрел на своего друга, ожидая от него еще чего-то.

Мешади-Аллаверану так и хотелось, чтобы друг его сказал: „Бог даст, на его свадьбе потанцуем“.

Кербалай-Худаверди опять не понял взгляда своего друга и ничего не прибавил.

Зато он лишился слова, так как Мешади-Аллаверан во время этой беседы думал заказать и плов.

Но так как Кербалай-Худаверди поздравила лишь на полушину, то Мешади купил баранины только для долмы (голубцы) и возвратился домой.

Мешади-Аллаверан, снимая с себя чуху, позвал к себе старшую бабку:

— Ну, что? Как здоровье?

— Хорошо, хорошо, ответила бабка.

— Пушок и все как следует?

— Да, да.

По это „хорошо, хорошо“, однако, не совсем соответствовало тому, о чем думала бабка.

Надо было так говорить до получения обычного подарка.

Наконец, старшая бабка пустила его в спальню.

Он нехотя спросил о здоровье жены, быстро подошел к ребенку и взял его на руки.

Эта минута была счастливейшей в его жизни.

Тот, о ком он всю жизнь думал, кто должен был заполнить его жизнь, находится теперь в его руках.

В эту самую минуту о чем только он не думал.

Перед его глазами уже стояла красивая железная кровать, а затем через некоторое время он представил своего ребенка играющим в лошадки; позже уже сынок гонится за баранком, еще позже он уже катается на осле, коне, фаэтоне и т. д. и т. п.

В эту самую минуту старшая бабка тоже думала об этом ребенке. Она видела массу новорожденных, но этот ребенок несколько отличался: лицо было пухлое и голова казалась ей больше, чем обыкновенно бывает у нормальных новорожденных...

Прошли дни, месяцы, Маленький Джаби медленно рос: при общей слабости лицо оставалось маленьким, но размер головы все увеличивался.

Мешади-Аллаверан всегда про себя говорил: „новидимому, он будет умный“.

Он слышал или хотел слышать, что больная голова—это предвестник большого ума..

Но пришло время, когда ребенок должен был карабкаться, ходить, веселиться, смеяться и говорить. К великому удивлению родителей, у Джаби этих явлений не было.

Лоб выпячен был вперед, ноги его росли криво и висели, как плети...

После долгих мытарств по колдунам и чародейкам, после многих жертвоприношений, Гюль-Бадам, убедившись, что улучшений нет, обратилась к мужу с просьбой разрешить ей пойти с ребенком к доктору, который недавно приехал и которого очень хвалили.

Мешади-Аллаверан сначала не уступал, но все же потом согласился, и Гюль-Бадам, взяв с собой соседку Пари, поехала к доктору.

Доктор внимательно осмотрел ребенка, и ничего не говоря матери о болезни, прописал лекарство и сказал: „Я желал бы видеть его отца“.

Гюль-Бадам рассказала все это своему мужу. Мешади-Аллаверан, выслушав жену, сказал: „Я был прав, когда не соглашался показать ребенка доктору. Я ведь знаю этих докторов: как только встречаются маленькое затруднение, они сейчас же требуют отца больного и даже готовы выкопать деда больного из могилы, если не находят причины болезни. Но не глупо ли все это. Больной при тебе и ты должен судить, чем он болен и какое нужно лечение. Какое же тебе дело до отца, который не болен и не обращается к тебе“. „Нет, все это ерунда“ закончил он.

После такого категорического решения Мешади-Аллаверана, опять продолжалось старое лечение: молитвы, жертвоприношения, колдуны и т. п...

Между тем, Гюль-Бадам сама не особенно верила такому способу лечения.

Через некоторое время она опять показала другому врачу ребенка и этот, внимательно осмотрев, сказал, что необходимо посмотреть отца...

На этот раз Гюль-Бадам была у врача без ведома мужа: но она ему все же рассказала: „Я без твоего ведома была у нового врача, который также просит посмотреть тебя, и только тогда, говорит, можно начать правильное лечение. Я прошу тебя зайти к нему“.

Мешади-Аллаверан хотел было обругать жену, но не сделал этого потому, что маленький Джаби спал. Все же слова Гюль-Бадам заставили его задуматься: „Что же, ведь меня не съест врач, а может быть он не надеется, что женщина поймет его, а потому приглашает меня, чтобы подробнее рассказать, в чем дело“.

Мешади-Аллаверан утром отправился к доктору.

Отрекомендовав себя, он спросил врача: „Господин врач, скажите, чем болен мой ребенок?“.

Врач сказал: „По моему, главную причину надо искать в отце и в матери, необходимо окончательно установить причину болезни и немедленно энергичнее взяться за дело, в противном случае ребенок скоро погибнет или превратится в идиота“.

После обстоятельных расспросов, врач установил, что Мешади-Аллаверан когда-то болел сифилисом. Первый муж Гюль-

Бадам тоже, как выяснилось, болел этой болезнью и умер после бурных явлений, а у Гюль-Бадам в горле была какая-то рана, и врач прописывал ей такое лекарство, какое прописывалось мужу.

Врач, собрав эти сведения, выяснил всю картину и решил приступить без колебания к специальному лечению.

Он счел нужным сказать родителям несчастного Джаби: „Если хотите, чтобы от вас не рождались такие несчастные дети, лечитесь“.

Но Мешади-Аллаверан не обратил никакого внимания на последнее заявление врача и рассердившись сказал: „Врач говорит ерунду. Правда, 20 лет тому назад я болел в сильной степени сифилисом, но ведь за 20 лет все прошло“...

Он этими словами успокоил себя, но не знал, что выкидыши у первой жены были тоже на этой почве.

Несчастный Джаби был плодом двух больных сифилисом.

Но всего этого Мешади-Аллаверан не только не понимал, но после этого при нем нельзя даже было говорить о враче...

Опять старое лечение: молитвы, знахари и т. д. Вдруг Мешади-Аллаверан вспомнил то время, когда мать Джаби во время родов долго мучилась и она разрешилась после того, как он обещал в пользу Пира внести 20 рублей.

„Что же до сих пор я сижу“.

Это было его последнее решение: по пятницам Мешади-Аллаверан возил своего ребенка Джаби в священный очаг под известным ореховым деревом.

Потому и в этот день, в пятницу, он второпях рано разбудил свою жену, чтобы по обыкновению взять Джаби в Пир.

## II.

В эту пятницу не одни они собирались в Пир. В этот день многие готовились отправиться на поклонение: кто пешком, кто верхом на лошади, некоторые целой семьей в арбе, а иные на ишаке или на фаэтоне. Все отправлялись с определенной целью: одни, как Мешади-Аллаверан, для исцеления сына, другие — для исцеления дочери от наследственной или приобретенной чахотки, третьи — водили ослепшего от запущенной трахомы отца, некоторые матери взяли своих бездетных замужних дочерей, чтобы Пир дал им детей, наконец, многие везли в пользу Пира

деньги, золотые и серебряные вещи, чтобы скорее возвратились из Сибири высланные за убийство и воровство сыновья.

Каждую пятницу глухие, слепые, калеки, хромые, чахоточные, лихорадочные, бездетные, или желающие непременно иметь мальчика, вдовец, вдова,—все пешком или верхом на лошади, на осле, арбе или на фаэтоне, протантовали дорогу, ведущую к исцелителю Пирю...

Бывало и так: муж жене не разрешает ехать в Пир, тогда жена выдумывала сон, в котором появлялся отец мужа и говорил: „что же вы забываете меня и не посещаете Пир?“.

После таких снов муж обыкновенно не только разрешал, но и выдавал деньги для расходов в Пире в память своего отца.

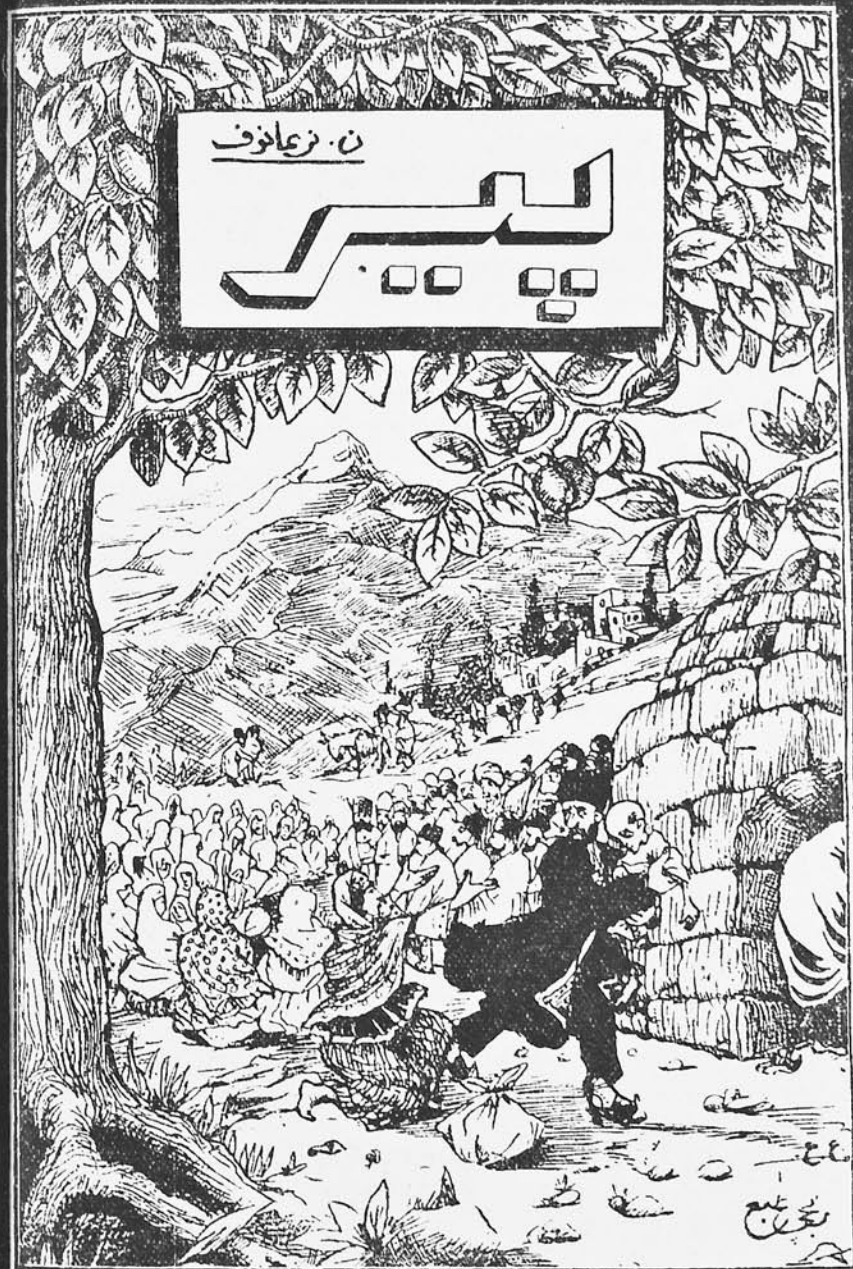
Иногда сами мужья по пятницам от безделья посещали Пир, не веря в его силу. Впрочем, в этом городе жили различные люди.

Многие, как Мешади-Аллаверан, искренно верили в целительную силу Пира, другие верили, несколько слабее, а некоторые, разочаровавшись в силе священного очага, никому об этом не говорили: они были в сомнении...

Но бесконечные фантастические выдумки и рассказы о чудодейственных исцелениях, творимых Пиром приводили к тому, что так или иначе, многие все-же верили в таинственную силу Пира: неверующие же хотели верить. Были и такие, которые говорили: „Не всем же Пир будет помогать. Пир грешным не помогает. Он помогает только праведным“, а к числу праведных причисляли и таких, как Мешади-Аллаверан.

В общем, в этой местности мужчины не особенно отличались от женщин. Они все соблюдали религиозные обряды: во время поста строго придерживались предписаний закона, и не только не ели и не пили, но даже избегая пыли, закрывали крепко рты, носы, но зато, когда говорили, произносили такие слова, от которых непривычным приходилось бежать.

Положим, не все одинаково выражали свои мысли и желания: одни покрепче, другие помягче, а бывало и так: ничего не скажет, но тихо, украдкой за счет сирот своего родного брата каждый день ел плов, а несчастных сирот держал в голоде и в холоде, тем не менее во время намаза обращался к своему богу и говорил: „Господи, ты свидетель: я точно исполняю пост и совершаю аккуратно намаз“.



Обложка повести «Пир», изданной в 1913 г., на турецком языке.

Они и во время совершения намаза не особенно отличались друг от друга: один долго молился, другой быстро совершил намаз, так как один больше нуждался в материальном отношении, другой меньше.

Но все говорили одно и то же: „дай, господи, мне то-то, ты свидетель, я исполняю твой приказ“.

А приказ бога, по их пониманию, состоял в совершении намаза, в соблюдении поста и др. обрядов. Но неизвестно, кто их научил предлагать и получать от бога взятку.

Пир-ли, или давать Пиру взятку—это было следствие такого их воспитания...

Вот и сейчас все направляется со взятками к Пиру. Один везет барана, другой—петуха, третий—золотой перстень, четвертый—серебряное зеркальце, пятый—кусок ситца, шестой—шелковую материю, иные везут свечи и подевечники, а многие—просто деньги.

Но среди этих пожертвований или взяток есть секретные и несекретные.

Вот, напр, везут на арбе барана с завязанными ногами, высунувшаяся с боку голова которого делает своеобразные движения при сильных толчках по неровной дороге; не мало курят и петухов тоже с завязанными ножками. Все это везут открыто. Но есть и такие жертвования, которые, везут из одной семьи, но некоторые члены семьи не знают об этом.

Вот, напр., Мешади-Паризад, старуха 60 лет, едет со своей невесткой Гюльзарией в одной арбе. Их отправляет Дамирка поставить в Пире свечку для того, чтобы у них родился сын.

Мешади-Паризад все время наставляет, чтобы сын ее Дамирка взял вторую жену, так как от Гюльзарии детей нет, а она хотя и Паризад, не хочет умирать, не видев внука.

Каждый день Мешади-Паризад твердит своей невестке:

„Что же делать. Ты три года замужем за моим сыном и не имеешь детей, видно, ты не способна рожать; позволь же тогда сыну моему взять другую, которая может осчастливить его и меня“.

Почти каждый день теща пробирает свою невестку, каждый день в этой семье крупные недоразумения.

Теперь обе вместе едут зажечь свечку в Пире, но старуха Паризад не знает еще об одном жертвовании, которое везет под большим секретом невестка Гюльзария; она в узелке везет

золотой перстень для Пира и будет просить его, чтобы теща скорее умерла. Она боится, чтобы муж под влиянием ее не женился на второй жене. В этих трескучих арбах, в этих быстро движущихся фаэтонах, у этих пассажиров в папах и чадрах много и много различных тайн... Арба перегоняет арбу; фаэтон перегнал другой фаэтон; молодые на лошадях, старики на ослах,—все они стараются обогнать друг друга; у каждого из этих паломников была своя логика: пассажиры фаэтона думали о том, чтобы скорее прибыть и занять удобное место; едущие в арбе утешали себя: мы хотя и мучаемся в арбе, зато и больше внимания Пира будет к нам, пешим, свысока смотря на остальных паломников, говорили: „Пир только и уважает тех, которые идут к нему пешком“...

Словом, те и другие, все с особенным чувством, каждый с своеобразным пониманием, двигались по одной дороге, стремились к одной точке—в священный очаг Пира, подымая в жаркий июльский день невыносимую пыль.

Все спешат туда; одни скорее хотят получить исцеление, другие на зло друг другу скачут верхом на лошадях, а третьи кричат и бьют своих ослов...

### III.

Раньше всех прибыл в Пир фаэтон Мешади-Аллаверана. Мешади-Аллаверан слез с фаэтона и взял на руки своего ребенка. В это время фаэтон его окружили постоянные служащие Пира. Как кошка подстерегает мышь, так и они караулили каждый прибывающий фаэтон или арбу.

И как не караулить! Сегодня их праздник: сегодня у одного в кармане очутятся деньги, у другого появится в чашке масло у третьего в мешечке будет рис...

Вот они сейчас со словами: „да поможет вам Пир“, как муравьи набросились на фаэтон Мешади-Аллаверана с целью что-нибудь получить или стащить.

Мешади-Аллаверан знал их обычаи, а поэтому вещи поручил только одному из них, остальные же отошли от фаэтона.

Мешади-Аллаверан с Гюль-Бадам вошел во двор и велел постлать под одним деревом ковер. Они заняты были приготовлением завтрака, а в это время прибывали по одному, по два и другие паломники.

Заведующий делами Пира, среднего роста, с черной бородой, с толстой короткой шеей, с барабанными глазами, в черной мантии и в белой чалме—Молла-Джафар-Гули всех встречал приветливо со словами: „добро пожаловать, да исполнится ваше желание“ и всем показывал место, где можно было отдыхать после пыльной дороги.

Молла-Джафар-Гули был добрый человек, он заботился и о животных. За двухэтажным домом во дворе с садиком был сделан длинный навес, где привязывали гости своих животных и давали им корм. Общий вид двора был живописный. В нижнем этаже находились комнаты для гостей, а в верхнем жил он сам, но иногда для гостей отводилось помещение и наверху. Это бывало в исключительных случаях, когда гость оказывался с жирным карманом. Таким гостям Молла-Джафар-Гули обыкновенно говорил: „Я для вас со вчерашнего дня приготовил такую-то комнату“...

Гости с жирными карманами—это были те паломники, которые с собой брали провизии больше, чем следует.

По установившемуся в Пире обычаю, лишняя провизия оставшаяся после паломника, считалась достоянием Пира. Молла-Джафар-Гули приходилось потом, после гостей, собирать эти остатки.

В этом смысле, действительно, Молла-Джафар-Гули приходилось много работать. Кроме этого, у Моллы еще была одна работа: после всех гостей он должен был собирать потухшие свечи и пожертвованные паломниками вещи, так как грешные люди могли воровать, тем более, что Пир был вдали от села, правильнее сказать между двумя селами, под огромным тенистым ореховым деревом. Пир—священный очаг, представлял собой небольшую куполообразную постройку из кирпичей. Собственно говоря, эти два маленьких села так близко находились друг от друга, что можно было считать, что тут одно большое село, но с давних пор эти села носили различные названия; одно наз. З..., а другое А....

Между этими селами была одна единственная дорога, по которой только и возможно было сообщение. Ближе к селу З... стояло ореховое дерево, а под ним—Пир.

И раньше, до открытия здесь Пира, это вековое ореховое дерево привлекало под свои тенистые ветви от зноя и дождя людей и животных.

Теперь же, дерево знают не только жители близлежащих селений, но и городов; оно теперь именуется священным деревом, обладающим таинственной силой.

Жители окрестных сел и городов сотнями, по пятницам, приезжали сюда. Паломники предварительно останавливались во дворе Моллы-Джафар-Гули, резали баранов или птиц, ели, пили, а затем мужчины и женщины группами шли к Пиру, кружились вокруг куполообразной постройки, целовали и через известное отверстие опускали пожертвования. Целовать, правда, было не обязательно: некоторые целовали, а другие нет; протирать же лоб ребенка землей Пира было почти обязательно. Говорили, что это предохраняет детей от болезней.

После того, как каждый верующий совершал все обряды, т.е. кончал свой интимный разговор с Пиром, Молла-Джафар-Гули обыкновенно рассказывал о чудесах Пира. С одной стороны стояли женщины, с другой —мужчины, а по середине Молла-Джафар-Гули громко говорил свою речь. Он был хороший оратор; его внимательно слушали. Он всегда начинал свои речи словами: „О, люди“.

И в этот раз он начал: „О, люди, я слышу, в городах и селах жители, боясь холеры, убегают в горы. Этого не следует делать. Холера—это бич божий. Господь всегда свой бич посылает для грешных людей. Вы же люди не грешные, потому что во время совершаете намаз, соблюдаете в точности пост и аккуратно посещаете Пир. Почему вы боитесь холеры? В прошлом году привели сюда из села Т... одного больного холерой. Тотчас же я посыпал в чашку воды несколько песку священного очага и дал пить этому больному—тот моментально выздоровел. Почему же вы боитесь? Бог послал болезнь, он так же послал и лекарство только, конечно, для праведных“...

Не успел он кончить эту речь, как большие и малые бросились на землю, и кто чем понало собирал землю: мужчины в карманы, а женщины в чадру и завязывали узелком; дети, по примеру старших, сделали то же самое.

Вся эта обстановка и в особенности слова Моллы об исцелительной силе Пира сильно подействовали на Мешади-Аллаверана, который тут же громогласно заявил:

„Я обещаю к будущему году устроить здесь ограду и несколько жилых помещений“.

Мужчины и женщины со всех сторон стали благословлять Мешади-Аллаверана, говоря: „да исполнит бог твоё желание“.

После этих возгласов паломники разошлись.

Уже приближался закат солнца. Паломники—пешие торопились обратно, затем все остальные на арбе, фаэтоне, на лошадях, опять друг друга перегоняя, возвращались домой. Почти все они были в бодром настроении духа, но вместе с тем у некоторых по глазам можно было прочесть внутреннее беспокойство; одни из них хотели узнать, когда именно чудотворное действие Пира обнаружится за их пожертвования, другие уже склонны были видеть эти действия. Вот жена Дамирка—Гюльзария едет вместе с тещей в арбе и замечает, как-будто у тещи глаза уже сжались и цвет лица стал бледнее...

Гюльзария в душе радовалась: „мое желание уже исполняется, но, о, Пир, прошу тебя, несколько подождать, чтобы она отдала душу дома, но не в арбе“...

И у Мешади-Аллаверана тоже были свои мысли; он иногда смотрел на своего сына и спрашивал: „Не хочешь ли конфет, сын мой? Приедем в город, я тебе куплю лошадку или осленка. Что больше тебе нравится?“

Маленький Джаби безучастно смотрел на своего отца и ничего не говорил. Мешади-Аллаверан нарочно разговаривал с ним и даже думал поставить его на ноги, чтобы узнать, есть ли хоть какой-нибудь признак хорошего отношения Пира к нему за обещанное пожертвование. Это не шутка—давать около тысячи рублей...

Гюль-Бадам тоже думала по своему: ее главным образом занимали слова врача, который категорически заявил: „необходимо серьезное лечение, необходимо лечиться отцу и матери, чтобы в дальнейшем не рождались подобные несчастные калеки“...

Эти слова врача иногда заставляли Гюль-Бадам вспоминать тяжелое положение больного сифилисом первого мужа и свою язву во рту.

Но она не знала, что и у второго мужа, Мешади-Аллаверана, врач обнаружил страшную болезнь.

Гюль-Бадам не только не верила в исцелительную силу Пира, но, при воспоминании о Пире, она чувствовала, что ее давит что-то тяжелое.

Иногда и Мешади-Аллаверану становилось грустно: в его голову закрадывались черные мысли: „а вдруг Пир не поможет

сыну“. Но сразу же он приходил в себя, говоря: „да будет проклятие шайтану (сатане)“.

И после этих слов он старался рассеять эти черные мысли. Собственно говоря, такие мысли были и у некоторых других посетителей Пира, но и они, словами „да будет проклятие шайтану“, отгоняли их от себя.

Приезжали в Пир даже молодые люди, вдовцы и вдовы, со всем с другими целями... Но, узнав от Молла-Джафара-Гули о чудесах, творимых Пиром, они тоже говорили:

„Да будет проклят шайтан“!

Словом, много было разных мыслей у этих постоянных паломников, но эти мысли были известны только им самим и отчасти Молла-Джафара-Гули.

Справедливость требует сказать, что Молла-Джафар-Гули действительно знал секреты многих; он почти читал их мысли. Молла-Джафар Гули был умный человек. Хотя он кроме книги Раджи ничего не знал, но все же он был опытный, ловкий человек. В известной степени, это, пожалуй, был недурной психолог.

Он знал, что животное потому и называется животным, что его ведут, куда хотят; он знал, что животному нужен только корм и что посредством корма можно подчинить себе самых сильных зверей...

Он действительно был человек, про которого обыкновенно говорят: прошел огонь и воду... Молла-Джафар-Гули приехал из Персии с обезьяной, с которой он ходил по деревням Закавказья и собирал деньги.

Но скоро заболела его любимая обезьяна и умерла. В это время как раз были первые дни траурного месяца Махарамы, когда нужны специальные моллы—марсенияханы, в эти дни воспевающие мученическую смерть внука пророка—имамы Гусейна с своей семьей.

Тогда еще Джафар-Гули прибыл в село З..., надел на голову чалму и назвал себя марсенияханом. Для жителей этого села и других ближайших сел он в этот момент был очень нужен.

В течение всего месяца Махарамы он довольно удачно исполнял роль марсенияхана; он знал историю имама Гусейна со слов других и то очень плохо, но не в этом было дело; у него был хороший голос, поэтому он не рассказывал, а пел и, чтобы других заставить плакать, сам нарочно плакал, бил себя в грудь и рвал на себе рубашку...

Женщины и мужчины, видя эту картину, тоже били себя по голове и действительно плакали.

В очень короткое время Молла-Джафар-Гули был уже известен и в других деревнях: его приглашали, к нему обращались, как к Молле, как к знахарю, даже, как к врачу.

Накопив себе некоторую сумму денег, он женился в селе-нии З... на одной девушке, от которой родился сын Гейдар-Гули.

Это еще не значило, что Молла-Джафар-Гули имеет только единственного сына. Нет. В Персии он оставил жену с тремя дочерьми.

Он покинул Персию со своей обезьяной, потому что там было много конкурентов: он слышал, что кавказцы хорошо платят за подобные зрелища, он также знал, что известные воры—мошенники, покинувшие Персию и приехавшие на Кавказ в роли марсияхан, зарабатывали от пятисот и до двух тысяч рублей. Он даже слышал, что на Кавказе есть специальные типографии, которые издают соответствующие книги—нешеиники для этих марсияханов...

Молла-Джафар-Гули и думал: я ведь знаю не меньше тако-го, почему же мне не показать своего знания кавказцам. Он действительно показал свое умение и кавказцы оценили его...

Теперь Молла-Джафар-Гули имеет двухэтажный дом и поль-зуется в этой местности самой широкой популярностью.

Но он и не такой безжалостный человек, чтобы иногда не вспоминать о своей семье в Персии. Он иногда соби-рается писать письма, но не может, потому что сильно занят.

Действительно, Молла-Джафар-Гули почти все время был занят. Вот, напр., сейчас, после посещения паломниками Пира, он должен ходить по всем углам, собирать все, что оставлено ими в виде риса, масла и др. продуктов, а затем должен через секретную дверь Пира произвести ревизию, т.е. собрать все драгоценности. В эту пятницу он так же медленно, важно, глядя свою бороду, шагал по направлению к Пире с целью „произ-вести ревизию“...

#### IV.

Возвратившиеся паломники уже отдыхали у себя дома. Ме-шади-Аллаверан пил вечерний чай, но иногда наблюдал за сыном, чтобы узнать, как он чувствует себя после Пира. Настала ночь. Гюль-Бадам приготовила всем постель и сама легла спать. Ме-

шади-Аллаверан тоже лег спать, но не мог заснуть: его занимали поездка в Пир, речь Моллы-Джафар-Гули о чудесах Пира, и при этом он все время произносил „слава тебе, господи“:

Он ждал спасения только от Пира. Он так часто произ-носил слова „слава тебе, господи“, что иногда даже эти слова вырывались у него совершенно бессельно.

Иногда человек видит и сознает важность создаваемого и потому говорит: „слава тебе, господи“. Но он если даже и говорил о том, что все создано богом, то повторял это как попугай.

Если бы он мог разбираться в своих чувствах к ребенку, может быть это помогло бы ему открыть путь к пониманию того, кого совершенно бессознательно он часто призывал на помощь.

С малых лет, с тех пор, как он стал видеть, чувствовать и понимать, никто не учил его, как относиться к окружающим предметам.

Его учили, что есть бог и его пророк, и что надо мо-литься,—но в то же время его отталкивали, ему говорили: если ты сделаешь то-то, тебя на том свете сожгут и т. н. Мешади-Аллаверан, кроме страха, ничего не знал: он боялся солдата и городского и законов человеческих и божеских.

С детства он воспитывался под влиянием марсияханов, ко-торые все время говорили: а если прочтешь такую-то молитву столько-то раз, то бог даст тебе то-то или на том свете будешь в раю с праведными...

Вот так воспитывался Мешади-Аллаверан и не удивительно, что он ждал чудес от Пира.

Итак, Мешади-Аллаверан последний раз представив себе все, что видел и слышал о Пире, заснул... Он проснулся за час до утреннего намаза, в беспокойстве посмотрел в ту сторону, где лежал Джаби, про себя произнес молитву и стал будить Гюль-Бадам: „Гюль-Бадам, Гюль-Бадам, вставай“. Гюль-Бадам вто-ронях проснулась: она думала, ребенок плачет, ребенок же спал спокойно, но муж в одной рубашке сидел на постели, он обратился к Гюль-Бадам и сказал: „я видел странный сон“.—„Да пошлет господь благополучие“ сказала Гюль-Бадам и стала слу-шать мужа.

„Мне спилось“,—сказал муж,—„как будто мы нашего ре-бенка оставили на одне сутки в Пире, затем я вижу, стена Пира разрывается на две части и Джаби прямо бежит ко мне и

говорит: „папа, я уже здоров“. Я обнял его, поцеловал и в этот момент проснулся“...

Гюль-Бадам, опустив голову, опять сказала: „да пошлет господь благополучие“,—и сейчас же легла спать.

Такое хладнокровие с ее стороны крайне удивило Мешади-Аллаверана, который тут же заметил ей: „слушай, как можешь спокойно спать после такого сна. Ты должна понять, что это за сон“.

Гюль-Бадам ответила: „мне спать хочется“, и после этих слов она молча легла, но не могла уснуть...

Сон Мешади-Аллаверана заставил Гюль-Бадам представить себе все свое прошлое...

#### У.

Гюль-Бадам родилась в сел. А... В детстве она заболела оспой, после чего стала рыбой. Этот недостаток несколько мешал ей быть красивой, так как ее большие, полные любви и нежности, голубые глаза с длинными черными ресницами покрывали все ее недостатки.

В этой деревне немало было молодых людей, желавших жениться на Гюль-Бадам. Но мать ее не торопилась. Гюль-Бадам было 10 лет, когда она лишилась отца, оставшись на воспитании матери. Мать ее, Нанаджан, была повивальной бабкой и хорошо зарабатывала.

Нанаджан делала все для Гюль-Бадам, чтобы последние не чувствовала отсутствия отца. Нанаджан была умная, трудолюбивая женщина. После мужа она энергично взялась за работу и семья ее все время жила без нужды. Она с самого же начала отвергла мысль из-за нужды выйти замуж, хотя и были такие мужчины, которые думали жениться на ней и жить за ее счет.

Она очень любила свою дочь и знала, что если выйдет замуж, то дочь будет терпеть много лишений. После хорошего мужа, она не захотела выйти замуж за другого. Кроме всего этого у нее была своя философия:

„Если выход замуж есть обязанность каждой женщины, то я исполнила эту обязанность. Если же женщины выходят замуж из-за нужды, то у меня этой нужды нет, так как я зарабатываю и живу свободно. Мужья бывают хорошие и плохие, кто знает, какой попадется. Лучше буду работать и жить для

единственной дочери Гюль-Бадам“. Трудно было ожидать от простой необразованной деревенской женщины подобного суждения, еще труднее было слышать от нее следующее: Гюль-Бадам иногда говорила своей матери: „мама, я проходила мимо такого-то места, случайно ветер сорвал с головы чадру, лицо открылось и такой-то видел меня“. Мать обыкновенно ее успокаивала: „ничего, дорогая дочь моя; видеть человека в лицо—это ничего не значит. Ты постарайся, чтобы честь твоя была неприкосновенна“...

Так воспитывала Нанаджан свою дочь, и когда ей было 18 лет она выдала ее замуж за брата Молла-Джафар-Гули. Первый муж Гюль-Бадам, Мешади-Гасан-Али, узнал об успехах своего брата на Кавказе, приехал из Персии.

В то время Молла-Джафар-Гули только был мареняханом и еще занимался знахарством. У него на том месте, где сейчас стоит двухэтажный дом, был маленький домик. Молла-Джафар-Гули открыл своему брату бакалейную лавку и отпустил необходимый капитал. Гасан-Али был безграмотный, потому больше ни на что не был способен.

Собственно говоря, он думал, что и безграмотному удастся водить за нос кавказцев, но, приехав, убедился, что во всяком случае нужно уметь читать книгу Раджия. При известном положении брата ему нельзя было водить обезьяну, а потому по неволе пришлось открыть лавку, которая сразу же дала хороший заработок...

Гасан-Али, нажив немного денег, стал просить руки Гюль-Бадам; долго усиленно он добивался этого, так как он знал, что Гюль-Бадам, как единственная дочь, является наследницей состояния своей матери. Но мать Гюль-Бадам все время отказывала ему.

Чтобы стать сильнее, он отправился в Мешед на поклонение святым местам—могилам имамов.

Таким образом, он приобрел прозвище Мешади. Он думал, что это несколько возвышает его положение в глазах других, а потому еще смелее стал действовать. В конце-концов, после долгих упорных просьб Молла-Джафар-Гули, Нанаджан согласилась выдать Гюль-Бадам за Мешади-Гасан-Гули...

Спустя два года, Мешади-Гасан-Гули умер от неизвестной болезни. Но злые языки говорили, что он как раз на святых

местах получил нехорошую болезнь, от которой он, как говорили, сгнил...

До поездки на святые места он был вполне здоровым, высокого роста, с бараньими глазами, с большим носом мужичиной, но после налومничества он страдал болью в костях, а иногда и подозрительными язвами. Наконец, появилась язва в носу, которая быстро изменила форму носа. Он погиб в страшных мучениях.

За год до этого умерла мать Гюль-Бадам. После умершего мужа она некоторое время продолжала жить у его брата Моллы-Джафар-Гули.

Но долго не могла она там жить и переехала к своему дяде.

Были такие обстоятельства, которые заставили ее немедленно переехать от Моллы-Джафар-Гули.

Заболел дядя Гюль-Бадам однажды пригласил Моллу-Джафар-Гули, чтобы тот лечил его.

Уже было время перед закатом, когда Молла-Джафар-Гули собирался поехать.

Гюль-Бадам тоже просилась к дяде, проведать его. Вместе они отправились к больному старику.

Молла-Джафар-Гули и Гюль-Бадам, нанюхавшись чаем у дяди, отправились обратно домой. Они шли как раз по той дороге, где стояло ореховое дерево. Было уже темно.

Молла-Джафар-Гули обыкновенно носил в кармане свечку и спичку на всякий случай, но надобности в них не было, потому что дорога была им известна. Шли они медленно. Как только они дошли до орехового дерева, Молла-Джафар-Гули нарочно споткнулся, как будто хотел упасть. В это время добрая Гюль-Бадам, сжалившись над ним, быстро схватила его за руки...

Молла-Джафар-Гули, как будто искал новода; он, как бешеный зверь, бросился на Гюль-Бадам, обнял ее крепко, поцеловал и сказал: „я безумно люблю тебя“...

Гюль-Бадам, растерявшись, вырвалась из объятий Моллы-Джафар-Гули и, закричав неестественным голосом, упала без чувств.

Молла-Джафар-Гули на минуту остолебенел и не знал, что делать.

В это время недалеко от них проходил кто-то. Услышав, крик Гюль-Бадам, незнакомец спросил: „что там случилось?“

Молла-Джафар-Гули быстро пришел в себя, посмотрел в ту сторону, откуда слышался крик, моментально сообразил, достал свечку и спичку из кармана, зажег свечку, поставил ее под деревом и стал совершать поклоны. Незнакомец, крикнувший в темноте, был пастух Дуныамалы: он стоял над головой Моллы, который продолжал делать поклоны, как будто никого не замечая.

Пастух, увидя лежащую недалеко без чувств женщину и горящую свечку под деревом, спросил: „что это значит?“

Молла-Джафар-Гули, окончив свои поклоны, приняв вид важного, близкого к богу человека, заплакал и сказал пастуху: „делай, делай поклоны; здесь есть чудо, тут должен быть священный очаг—Пир. Мы шли дорогой и вдруг видим: горит здесь свечка; мы приблизились к дереву, от которого слышался какой-то голос. Спутница моя не выдержала и упала без чувств“.— закончил Джафар-Гули.

Пастух внимательно слушал Моллу, которого и раньше знал, как духовное лицо: после сообщения о Пире он упал на колени, целовал землю, помолился, а потом сказал Молле-Джафар-Гули: „я сейчас пойду объявлю народу, чтобы пришли на поклонение“. Молла-Джафар-Гули, приняв позу знатока этих дел, сказал: „по закону о Пире должен объявить народу тот, кто первый его открыл. Если это сделает другой, священный очаг скроется. Теперь ты иди прямо домой, не оглядываясь назад и ни с кем не вступай по дороге в разговор: дома можешь говорить, о чем хочешь, но не о Пире. Завтра я соберу народ, прочту особую для этого случая молитву и тогда все могут идти на поклонение“.

Пастух вторых ушел и в точности исполнил предписание Моллы-Джафар-Гули. Когда пастух несколько отошел от орехового дерева, Гюль-Бадам пришла в себя, увидев над головой Моллу-Джафар-Гули, она с отвращением посмотрела на него и вся затряслась... Молла-Джафар-Гули теперь понял свою шизость, упал перед ней на колени, рассказал ей о пастухе и сказал: „Чтобы скрыть все это, я пастуху объявил это место священным очагом. Теперь ты должна клясться кораном, что до смерти никому об этом не скажешь“.

Гюль-Бадам, долго не думая, сказала: „Ты клянись кораном, что не будешь трогать меня и приведешь меня домой, не задев моей чести; я же клянусь кораном, что об этой хитрости

твоей никому ничего не скажу, так как моя честь для меня дороже всего“.

После этих слов, она быстро встала и, ничего не говоря, пошла твердыми шагами по направлению к дому.

Молла-Джафар-Гули молча следовал за ней.

На другой день Молла-Джафар-Гули, собрав народ, торжественно объявил об открытии священного очага—Пира.

Гюль-Бадам после этой истории не могла больше оставаться в доме Молла-Джафар-Гули и на другой же день переехала к своему дяде.

Жена Молла-Джафар-Гули, Тутти, как ни старалась, не могла узнать причину поспешного переезда Гюль-Бадам к дяде.

Гюль-Бадам только сказала: „дядя один, некому за ним смотреть“ и этим она успокоила любопытство Тутти.

В сущности Тутти была рада переезду Гюль-Бадам к дяде, так как последнее время она замечала, как усиленно ухаживает за Гюль-Бадам ее муж. После смерти Гасан-Али, это ухаживание со стороны Молла-Джафар-Гули еще больше усилилось.

Тутти отчасти была спокойна, потому что она была уверена в чистоте и честности Гюль-Бадам, но вместе с тем она знала и черты характера своего мужа, а потому иногда ее беспокоила мысль о том, что муж может жениться на Гюль-Бадам. И повод к этому был, так как от Тутти Молла-Джафар-Гули имел единственного сына, после смерти брата Молла-Джафар-Гули пытался даже заговаривать вообще о детях...

Тутти сейчас же поняла, о чем идет речь. Она вообще знала обычаи мужчин: она знала, что мужчины, как только богатеют,—холостые думают о жепитьбе, а женатые—о второй и даже о третьей жене... В особенности она знала хорошо характер своего мужа.

Еще при жизни брата у Моллы-Джафар-Гули мелькали черные мысли. Не то, чтобы он хотел смерти брата, нет, но он видел, как тот быстро гниет; он знал, что брат болен безнадежно, а потому иногда думал: „после его смерти, что будет с Гюль-Бадам“.

Перед женой он выдавал себя за ревностного, истинного мусульманина, который все время думает о размножении мусульман. Даже после смерти брата он очень часто говорил на эту тему..

„Ты знаешь,—говорил он жене,—в исламе есть много таких законов, значение которых многим до сих пор не понятно. Это закон, напр., о многоженстве. Главное значение этого закона состоит в том, чтобы содействовать увеличению количества мусульман“.

Тутти по профессии была марсияханом (она читала и пела для женщин), а потому легко разбиралась в тонкостях подобных вопросов и всегда в ответ мужу говорила: „что из того, что количеством мусульман будет больше. Вот у тебя есть один сын и тот не умест читать коран“. Молла-Тутти придавала большое значение тому, чтобы каждый ребенок умел читать коран. Она всегда говорила женщинам-матерям: „что вы будете отвечать на том свете, когда вас спросят, почему ваш ребенок не умеет читать коран?“

Женщины, боясь странного суда, на другой день отирали своих детей к Молла-Тутти учиться корану.

А это приносило известный доход Тутти, которая получала от детей отдельно за чтение первой, второй и третьей частей корана. Словом, она зарабатывала хорошо. Таким образом, Молла-Тутти всегда удачно отвечала мужу, но в то же время она не спускала глаз с Гюль-Бадам, т.-е. она ее не оставляла одну с мужем, всегда брала с собой и строго следила за действиями мужа. Как только она замечала, что Молла-Джафар-Гули к Гюль-Бадам равнодушен, она все время ворчала и не говорила по нескольку дней с мужем.

Муж же после смерти брата особенно подчеркивал свое отношение к Гюль-Бадам; он иногда покупал ей на платье.

Тутти, конечно, ревновала и открыто высказывала свой протест. Но Молла-Джафар-Гули каждый раз говорил: „жена, ты представляешь себе положение женщины, у которой умирает муж. Ведь она себя считает беззащитной“ и так успокаивал он свою жену.

Гюль-Бадам совершенно иначе толковала отношение Джафар-Гули к ней. Она думала, что из любви к памяти своего брата Молла-Джафар-Гули так хорошо обращается с ней. Она даже полагала, что Молла-Джафар-Гули смотрит на нее, как на свою дочь, а потому иногда думала: „я от них никуда не уйду, буду все время им служить в качестве кухарки“. Гюль-Бадам очень любила труд.

Она вела почти все домашнее хозяйство Тутти, но та ее ревновала к мужу и поэтому никогда одну не оставляла дома.

Этот случай был единственный, когда по случаю болезни дяди Тути согласилась и разрешила Гюль-Бадам вместе с мужем идти проводить дядю.

Молла-Джафар-Гули давно лелеял мысль овладеть Гюль-Бадам.

Наконец, он нашел удобный момент в темноте под ореховым деревом.

В этот момент Молла-Джафар-Гули рассуждал так, как обыкновенно рассуждают ему подобные о женщинах вообще. К девушкам еще можно относиться иначе, но что касается женщин и в особенности вдов, то тут много думать не приходится... Так он рассуждал и в данном случае по отношению к Гюль-Бадам. Он никогда и не думал, что со стороны Гюль-Бадам встретит такой отпор. Он не мог понять этого, так как никогда не задумывался над вопросом, какие причины могут заставить женщину отдаться мужчине. Непорочность, правильное, грубое воспитание, ограниченность ума, мешали ему разбираться в таких тонких вопросах, мешали ему с здравой рассудительностью подойти к духовному миру женщины в особенности такой, как Гюль-Бадам.

Понял-ли Молла-Джафар-Гули, славившийся своей видимой религиозностью, свое ничтожество по сравнению с Гюль-Бадам.

Нет, этого он не понял, потому что на другой день, без угрызения совести, из боязни потерять материальное благополучие, объявил место под ореховым деревом священным очагом... В момент, когда Гюль-Бадам думала о своей чести Молла-Джафар-Гули думал только о своем материальном благополучии.

## VI.

Гюль-Бадам, таким образом, представила себе все прошлое и теперь в душе смеялась над тем, о чем говорила муж, но не знала, что намерение мужа бросить несчастного ребенка в Нир на один сутки причинит ей неслыханное беспокойство, и что впоследствии в ней произойдет борьба, решающая ее судьбу.

Мешади-Аллаверан, совершив утренний намаз, нашлся чаю и перед тем, как уйти в лавку, по обыкновению, подошел к Джаби, стал задавать ему вопросы и сам же отвечал на них: „Дорогой мой сын, что тебе купить?“ „Лошадку. Хорошо“. Эти

вопросы были обычные, но в этот раз он еще прибавил: „Через неделю ты будешь со мной в лавку ходить, с помощью бога“. После этих слов, он вышел на улицу, где встретился с некоторыми знакомыми. Эти знакомые вместе о чем-то говорили. Увидев Мешади-Аллаверана, они обратились к нему с вопросом:

„Мешади-Аллаверан,—сказал один,—говорят, что Молла-Джафар-Гули в эту ночь скончался“.

— Что вы говорите?—удивленно спросил Мешади-Аллаверан.—Вчера же мы были вместе: он был вполне здоров.—„Говорят, что он умер от холеры“ прибавил другой из знакомых.

— Это уж неправда,—возразил Мешади-Аллаверан,—если он умер, то вероятно от другой причины, но во всяком случае не от холеры.

— Нет, нет. Только-что для приготовления похорон прислал человек—прибавил третий: он рассказывает, будто Молла-Джафар-Гули в последнюю минуту сам сказал: „Меня Нир призывает к себе“.

— Вот это может быть,—сказал Мешади-Аллаверан,—разве можно сомневаться в том, что Нир творит чудеса...

После этих слов Мешади-Аллаверан отправился в свою лавку и там стал распространять слух о смерти Молла-Джафар-Гули и прибавлял: „он видно богоугодный был человек: его, говорят, Нир призывает к себе“.

В этом маленьком городке Молла-Джафар-Гули почти все знали, так как и малым и большим приходилось его видеть в Нире.

Малые и большие отправились на похороны Молла-Джафар-Гули. Здесь, в Нире, были разные слухи: некоторые говорили, что он умер во время намаза, другие утверждали, будто он, по обыкновению, был в Нире и сам совершал намаз, в это время послышался голос от Нира: „твое последнее убежище здесь“. После этих слов он якобы испугался и скончался.

И еще много было разных слухов. Но те, которые совершали омовение трупа, думали иначе: они удивлялись тому, что полный, здоровый Молла-Джафар-Гули почему то так сразу, за одну ночь, истощился и погиб.

Почему за одну ночь получились такие впалые глаза и ввалившиеся щеки.

Кроме домашних, никому, конечно, не известны были эти причины. Домашние прислуги—Алмаз и Гиз-Нари хорошо знали причину этих явлений.

Они эту ночь почти не спали, оказывая помощь Молла-Джафар-Гули.

„Ой, ноги корчатся“, — кричал Молла-Джафар-Гули, и в это время Алмаз со всей силой делал ему массаж. Но и жена его Тути не сидела без работы: она давала распоряжения и затем сама тряпками вытирала рвотные массы. Без работы был один только сын их, но и тот в конце концов поспешно отправился в Пир, принес оттуда немного песка, бросил в чашку с водой и предложил отцу выпить этой воды. Как раз утром отец рассказывал паломникам о холере и о лечении — он запомнил это, он как то слышал, что во время холеры больного рвет, а ноги и руки корчатся. Он подозревал, что отец болен холерой и предлагал как раз то лекарство, которое предлагалось отцом паломникам.

Но отец, сердито посмотрев на сына, безнадежно отвернулся от него.

И действительно не место и не время было шутить.

Он чувствовал, что приближается конец: кожа сделалась сухой и страшная жажда мучила его при непрерывных рвотах.

В то время, когда сын предлагал отцу чашку воды с песком Пира, отец хотел сказать сыну: „сын мой, это не поможет, врача, врача ко мне пригласи“. Но отец не сказал этого, так как боялся, что сын расскажет об этом и тогда люди отвернутся от Пира. Но напрасно умирающий Молла-Джафар-Гули беспокоился об этом. Молла-Тути уже готовилась ко всяким случайностям. Она много думала в этот момент о том, что-бы вместе с мужем не ушел от их семьи и Пир. На утро, когда собрались женщины на похороны, она рассказала им: „счастливым был Молла-Джафар-Гули; он, по обыкновению, вечером молился в Пире, вдруг в странном расстройстве он возвращается оттуда и говорит: „жена, по окончании молитвы послышался голос: „последнее убежище твоё здесь“. Сказав это, он через несколько минут скончался“. Говоря об этом она внимательно следила за женщинами, желая узнать, как действуют ее слова на них.

Молла-Тути среди женщин имела такой же успех, какой имел ее муж среди мужчин. Женщины удивленно выслушивали и произносили: „да будет твоё благословение, господи. Видно благочестивый был Молла“. Все это женщины рассказали своим мужьям, а мужчины заволаговались, еще кое-что прибавили

от себя, и слава Пира еще более поднималась в глазах нуждающихся в нем, хотя разговор о холере и не совсем прекратился.

Все в один голос решили, что труп Моллы-Джафар-Гули необходимо предать земле Пира.

Горожане и сельчане торжественно похоронили Моллу-Джафар-Гули и заведующими делами Пира назначены были Тути с сыном своим.

## VIII.

Горожане и односельчане, участвовавшие в похоронах, распространили в городах и селах о виданном и слышанном с прибавлениями в разных вариациях.

Даже стали говорить о том, будто в этот вечер показался Моллу-Джафар-Гули божественный луч...

Мешади-Аллаверан был в восторге от того, что вера его в Пир подтверждается разными новыми откровениями.

Он пришел домой и с насменкой сказал Гюль-Бадам.

— Ты все время обращаешься к врачам.

— А что случилось? — спросила Гюль-Бадам и пристально посмотрела на мужа.

— Что же тебе еще надо. Пойди и спроси других, тогда узнаешь о тех чудесах, которые творит Пир.

И тут же сам стал рассказывать обо всем. Гюль-Бадам только прибавила:

Пир имеет одно значение, а врач совсем другое!

— Нет, уже тут врачу нет места. Мой сон и все, что произошло с Молла-Джафар-Гули указывает на то, что для врача в нашем вопросе нет места. Моему сыну исцеление даст только один Пир, а потому надо исполнить то, что, снилось мне.

— Что это значит? невольно вырвалось у Гюль-Бадам.

Она в эту минуту похожа была на сжившуюся кошку, которая собирается спасти своих детей от опасности.

— Что во сне снилось, то и надо исполнить, на одни сутки необходимо оставить ребенка в Пире, — спокойно, но твердо заявил Мешади-Аллаверан.

На один час не оставлю ребенка своего в Пире! резко оборвала мужа Гюль-Бадам.

— Ты, видно, сума сошла. Мать может любить своего ребенка, но это еще не значит, что можно отвергать веру, религию,— заметил муж.

„Какую религию, какую же веру?“

— Ты же не можешь закрывать рта людям. Все говорят, что Пир звал Молла-Джафар-Гули; даже говорят, что ему показался в образе человека какой-то святой. Не верить этому, значит отвергать все.

— Кто же об этом говорит? с насмешкой спросила Гюль-Бадам.

— Люди— ответил Мешади-Аллаверан.

— Кто же этим людям все это сказал?

— Молла сам.

— Но, ведь они не видели Моллы?

— Рассказывала жена Моллы-Джафар-Гули. Это же понятно: чудо может видеть только один человек. Бог может показать свое чудо только избранным, но не всем. В данном случае Молла один был свидетелем: он все это рассказал жене и от разрыва сердца скончался.

Гюль-Бадам хотела предложить еще один вопрос, но муж оборвал ее, сказав:

— Довольно, я вижу ты лишняя: рассудка и доверья только докторам. Нет, довольно глупости говорить. Это, впрочем, не женского ума дело. Я прошу тебя отбросить все твои сомнения, так как такое отношение к Пире повредит нашему ребенку. „Мы должны оставить ребенка в Пире на одни сутки, и он найдет исцеление“,— твердо сказал Мешади-Аллаверан и вышел на улицу.

Гюль-Бадам после мужа долгое время оставалась на одном месте и задумчиво смотрела в одну точку, затем подошла к своему ребенку и зарыдала...

„Немой, глухой, безногий, и ничего не мыслящий мой ребенок“... сказав это, она еще сильнее зарыдала.

Несчастный Джаби смотрел все время на свою мать, как будто бы хотел сказать:

„А кто виноват, что я родился таким, не вы ли виноваты, мои родители?“

После объяснения врача, Гюль-Бадам часто эти вопросы читала в глазах своего ребенка; она хотела исправить свою ошибку, но крайней мере врач обнаруживал...

Но что сделает этот Пир? этот последний вопрос был полным трагизмом...

Кроткая, добродушная, чистосердечная Гюль-Бадам вдруг превратилась в львицу. С этого момента она стала действовать против мужа.

Она удивлялась, что в ней вдруг нашлась такая сила. Она очень была зла на мужа. Она все время была в напряженном состоянии, куда-то стремилась, хотела что-то порвать, сломать, хотела кому-то, что-то очень горькое, нехорошее сказать, хотела над кем-то насмехаться, хотела одним каким-то словом уничтожить очень большое дело.

Мысли за мыслями чередовались у нее в голове, и она в этом состоянии готова была наговорить дерзостей тому, кто с ней не согласен...

Хотя и до этого о Пире не хотела она слышать, даже с насмешкой относилась к тем женщинам, которые свято чтят Пир, но открыто она ничего не могла сказать, так как она клялась кораном.

Но как терпела совесть ее до сих пор, когда она видела, что слепые, калеки, чахоточные и другие больные, надеясь на исцелительную силу Пира, отказывались от правильного лечения у врачей. Ведь она, скрывая сущность Пира, способствовала еще большему несчастью людей. Занимались ли эти вопросы Гюль-Бадам.

Трудно ответить на этот вопрос, но что она по двум причинам скрывала истину, это не подлежит сомнению.

Первая причина состояла в том, чтобы не запятнать честь. Она думала, если рассказать все, пожалуй, найдутся люди, которые не поверят ей, и ее честь будет под подозрением и муж на нее будет смотреть не так, как она хотела бы...

Она упустила момент: нужно было на другой же день рассказать обо всем этом и тогда, безусловно, не было бы никакого сомнения. Но, теперь, когда Пир пользуется такой популярностью...

Но почему же она упустила момент? Она клялась кораном, а клялась кораном для того, чтобы спасти свою честь.

Если бы она знала какие будут последствия, быть может, не сделала бы этого, но в этот момент она лишь думала о своей чести, о том, чтобы вырваться из рук бешеного зверя, а потому клялась кораном.

Но потом искренно верующей Гюль-Бадам после клятвы трудно, даже невозможно было открыть тайну Пира...

Она очень строго была воспитана на этот счет. Мать всегда говорила: никогда ты не клянись богом и кораном, но раз клялась, должна непременно исполнить. Это строго на строго говорилось ей и она свято исполняла это. И, действительно, ее знакомые не помнили, чтобы Гюль-Бадам, как другие, клялась. В этот вечер ей нужно было это сделать, чтобы остаться чистой. Оставаться чистой и гордо смотреть в глаза многим испорченным мужчинам, это есть качество многих женщин.

И действительно, Гюль-Бадам на другой день чувствовала себя победительницей. Ее гордый взгляд полон был презрения по отношению к таким, как Молла-Джафар-Гули... Но она ничего не могла говорить.

Но, почему же теперь она превратилась в львицу и хочет что-то сказать. Думая об этом, Гюль-Бадам еще раз посмотрела на ребенка, который, по обыкновению, знаком губ просил воды.

Она дала пить, но в это время у нее в голове мелькнула мысль: „а если ему захочется пить в Пире, кто поймет его и даст воды“.

При этом она вся затряслась, обняла ребенка и опять зарыдала. Успокоившись, она вслух стала говорить: „нет, дитя мое, тебя одного нигде я не оставлю. Я не могу принести жертвы тому идолу, которого я презираю“...

Чем дальше, тем больше становилась она смелее. Кто-то будто ей говорил: „правда на твоей стороне, а потому говори, рассказывай и кричи о правде“...

Но потом вспомнила она о данной клятве и опять стала колебаться: „О, господи, а как же с клятвой“.

„К тебе обращаюсь, мой бог, укажи мне правильный путь“, сказала она и опять заплакала.

Мать любит всех своих детей, конечно, одинаково, но слабый, больной, беспомощный ребенок всегда занимает особый чувствительный уголок в материнском сердце.

Маленький Джаби занимал все существо Гюль-Бадам, так как у нее не было других детей.

Слабость, беспомощность ли Джаби, бессонные ли ночи, быть может и то и другое вместе привязывали ее к дорогому существу. Она ценою своей жизни готова была дать своему ребенку некоторое облегчение...

Мешади-Аллаверан, конечно, не принадлежал к числу таких. Для него не было ничего неясного; он верил в исцелительную силу Пира и уже был расстроен тем, что, может быть, опаздывает; ему казалось, что надо было на другой же день исполнить то, что ему было сказано во время сна, но отношение Гюль-Бадам заставило ждать до пятницы. Накануне у него с женой был крупный разговор; он чуть было даже не ударил Гюль-Бадам палкой.

Мешади-Аллаверан, после долгих споров, заснул, но Гюль-Бадам долго не могла заснуть и все время думала, как помешать ему осуществить задуманное.

Она знала, что муж решил ребенка бросить в Пир. Она ничего не имела бы, если бы это время продолжалось с утра до вечера. Но, ведь, муж твердил, что оставит его на день и ночь.

В крайнем случае она соглашалась на день, но не могла себе представить, чтобы беспомощный Джаби лежал в Пире также ночью.

Хорошо, если он все время будет спать, а вдруг проснется, или захочет воды. Не хуже ли ему будет, когда очутится одиноким в темноте.

Эти мысли все время занимали ее, и она чем дальше, тем решительнее собиралась дать отпор мужу.

„Грязному очагу не могу принести я в жертву своего ребенка“, повторяла она. Но клятва, данная ей, опять уменьшала ее гнев и решительность.

Если бы был жив Молла-Джафар-Гули, она могла бы обратиться к нему с просьбой воздействовать на мужа не делать этого, но теперь его нет. Смерть Молла-Джафар—еще более возвысила значение Пира в глазах верующих. Теперь, кто поверит ей, если даже она откроет всю эту тайну.

Всю ночь ее мучили эти мысли. Она то говорила сама с собой, то под одеялом плакала, то, откинув одеяло, смотрела на спящего Джаби и говорила, „нет, тебя я живого в могилу не брошу“.

Она, правда, слово „нет“ произносила решительно, но в то же время не могла для себя предначертать ничего определенного.

В жизни человека бывают такие минуты, когда не найдя определенного выхода из создавшегося положения, человек, предоставляет свою судьбу времени.

Мешади-Аллаверан тоже любил своего ребенка. Но между любовью отца и матери была некоторая разница.

Мешади-Аллаверан старался, чтобы Джаби скорее ходил, говорил, ругал его и рвал ему бороду, а затем, чтобы он помогал ему в лавке, а еще позднее, чтобы он сыграл свадьбу и т. д.

Гюль-Бадам, конечно, также, всего этого хотела, но бывали моменты, когда она про себя говорила: „лишь бы он не умер, я готова так мучиться и дальше“.

Между тем, Мешади-Аллаверан думал иначе: „если так всегда будет, то какой толк от этого?“

### VIII.

„Великий аллах, великий аллах. Свидетельствую, что кроме единого аллаха нет ему подобного“.

До утренней зари, когда в природе все еще отдыхает, издали с минарета мечети доносящийся голос муэдзина, повторяющий слова „Великий аллах“ всегда переносит меня в особый мир. Я стараюсь слышать эти слова отчетливее, я не знаю мотив ли этой молитвы или влияние воспитания набожной семьи, что именно, не могу сказать, но что-то родное слышится в этих звуках...

Ежедневно в утреннюю тишину со всех минаретов мечетей постоянно муэдзины призывают правоверных к намазу и повторяют: „нет, кроме единого аллаха, другого ему подобного“. В гор. Г... почти все—мусульмане: они имеют мечети с высокими минаретами, откуда каждый день раздаются голоса муэдзинов. Наконец, все мусульмане в день пять раз во время намаза сами повторяют: „великий аллах, нет другого подобного ему“.

Но почему же они ищут еще другого аллаха, другого идола для поклонения? В этот день Мешади-Аллаверан и его сосед и все другие верующие в один голос повторяют: „Нет, кроме аллаха, другого ему подобного“.

Но в то же время сами собираются в Пир для поклонения. И действительно, в эту пятницу многие собирались ехать, так как смерть Молла-Джафар-Гули и разные слухи, связанные с его загадочной смертью, заинтересовали многих верующих. Среди них были и такие, которые хотели проверить все эти слухи.

„Не знаю, каким путем, но этого я не допущу“, сказав это, человек ждет последней минуты...

Гюль-Бадам как раз была в таком состоянии и заснула. Но скоро Мешади-Аллаверан проснулся для совершения утреннего намаза и громко произнесенные им слова: „великий аллах, нет другого ему подобного“, разбудили Гюль-Бадам.

Гюль-Бадам молча собиралась в Пир. Мешади-Аллаверан, после вчерашних бурных объяснений, не ожидал со стороны жены подобной покорности.

Он был рад тому, что без всяких разговоров ему удастся исполнить задуманное. Ему даже стало несколько стыдно за вчерашнее; но потом он успокоил себя словами: „нет, с женщинами иначе нельзя обращаться, необходимо кричать, ругать, а иногда, если нужно, и бить их“.

Несмотря на такого рода разсуждения он все же хотел поговорить с Гюль-Бадам, развеселить ее.

Но Гюль-Бадам отделялась на вопросы мужа словами: „да“ и „нет“ и спешно готовилась к отъезду в Пир. Удивительно состояние человека: почему эта несчастная мать спешила туда, куда раньше не хотела ехать.

Последние дни она, вследствие долгой мучительной внутренней борьбы, совершенно измучилась, нервы ослабли, притупились.

Ей как-будто было все равно: тяжелый камень давил ее сердце и она как-будто хотела освободиться от него, потому что больше не в силах была носить его...

Настал желанный час и для Мешади-Аллаверана и для Гюль-Бадам.

Они сели в фаэтон. Мешади-Аллаверан весело взглянул на Джаби и думал про себя: „сегодня едем на руках, а завтра, бог даст, сам своими ножками будешь прыгать“.

В эту пятницу опять, по обыкновению, паломники перегоняли друг друга; но было прохладно, с утра небо было покрыто черными тучами...

Наконец, Мешади-Аллаверан с семьей приехал в Пир. Отсутствие Молла-Джафар-Гули чувствовалось всеми. Было мрачно, траурно... Между мужчинами и женщинами только и был разговор о смерти Моллы-Джафар-Гули, жена которого, между прочим, делала все, что ей нужно было...

На этот раз, вследствие отсутствия Молла-Джафар-Гули, его место занял другой молла, из соседней деревни. Мужчины, женщины и дети—все внимательно слушали этого моллу, который рассказывал о творимых Пиром чудесах, и который думал занять место Молла-Джафара-Гули.

Когда он перешел к рассказу о смерти Молла-Джафар-Гули и сказал о том, как его звал Пир к себе, моментально малые и и большие пришли в движение: каждый стремился стать ближе к Пире, желая видеть или слышать что-то.

Тут слепые, калеки и больные прямо ползли по направлению к Пире: „Мы больше других нуждаемся в Пире, дайте нам поближе стать к нему“,—кричали они.

В этот самый момент и Мешади-Аллаверан, рассказав свой сон, объявил, что сегодня оставит своего сына в Пире. Эти слова еще больше взволновали паломников и они в один голос произнесли: „слава тебе, аллах“. Гром гремел; засверкала гроза.

Мешади-Аллаверан быстрыми твердыми шагами подошел к жене и взял ребенка.

Гюль-Бадам ничего не сказала и отдала его, но в этот момент Джаби посмотрел на мать. Этот взгляд ребенка, быть-может, в другой раз ничего и не означал бы, но в данный момент в данном взгляде Гюль-Бадам чувствовала какую-то искру. Ей показалось, что Джаби хочет сказать: „мамочка, почему ты бросаешь меня в то грязное место, которое ты презираешь“.

Гюль-Бадам вся дрожала, как листья на дереве, упала на колени, подняла руки вверх и громко сказала: „О, мой аллах, дай мне силу открыть свою душу“. Все пришли в движение, в особенности женщины в один голос закричали: „дайте ей сказать“.

Вчера чувствовавшая себя разбитой и измученной, Гюль-Бадам теперь мгновенно изменилась; глаза ее заблестели и она чувствовала, что кто-то ей говорит: „открой всю правду“, и она открыла:

„Я считаю это место грязным, а потому от этого места исцеления для своего ребенка не жду“.

Мужчины и женщины были ошеломлены и воскликнули „несчастливая, сума сошла“.

„Нет, я не сошла сума, но я служу причиной вашего сумасшествия“, сказала громко Гюль-Бадам. „Заткни ей рот“, обратились все к ее мужу. Мешади-Аллаверан хотел было подойти к ней, но она сказала: „в данный момент, кроме аллаха, я не

признаю никого выше себя. Никто не может препятствовать мне сказать сегодня то, что я должна была сделать давно“.

И действительно она открыла всю тайну.

Паломники заволновались. В это время из толпы вышел пастух и сказал: „я первый поцеловал землю этого грязного места“.

После этих слов он взял большой камень и бросил его так, что купол Пира разрушился.

Гюль-Бадам в истерике закричала: „дайте мне моего ребенка, дайте сюда“, зарыдала и упала.

Женщины не выдержали и тоже заревели, мужчины низко опустили головы.

**НАДИР-ШАХ**  
(историческая драма).

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Шах Султан Гусейн-Хан, персидский царь  
в 1717 г., 60 лет.

Эдхем — его первый визирь.

Шах-Тахмаз — сын Гусейн-Хана, 25 лет.

Джафар-Хан  
Рза-Хан } Визирь.

Магомед-Хан

Гурчи-Бек — офицер.

Надир — 30—47 лет.

Гюль-Джахан — его жена.

Рза-Кули — его сын, 15—20 лет.

Джавад — дядя Надира, 60 лет.

Первый странник, 60 лет.

Второй странник, 30 лет.

Разбойники (вооруженные).

Мирза Мехти-Хан — советник Надира, 40 лет

Посланник Сеистана, в туркменском костюме.

Гейдар-Хан — первый визирь Шах-Тахмаза, 40 лет.

Салах

Муса-Бек  
Али Ашраф-Бек } убийцы Надира.

Ферраш — телохранитель.

1-ое действие (1-ая картина).

1-ое явление.

(Происходит в Исфахане в 1717 году. Приемная Гусейн-Хана; у дверей два фарраша-телохранителя, с одной стороны трон).

Эдхем-Хан.

Ровно три часа в ожидании ответа. Он спит, или играет с детьми. Между тем дела государства все более и более осложняются. (Входит Гусейн-Хан и садится на трон).

2-ое явление (Гусейн-Хан и Эдхем).

Шах Гусейн-Хан.

Благополучно ли все, Эдхем?

Эдхем.

Благополучно, ваше величество.

Шах Гусейн-Хан.

Зачем же сегодня так рано явился?

Эдхем.

Ваше величество. Три дня тому назад получено тревожное известие о том, что курды, убив Джавад-Хана и некоторых чиновников, обнаружили непокорность правительству.

Шах Гусейн-Хан.

Джавад-Хана. Да... Мне его не жаль, потому что он был слабым администратором. Он не умел исправно собирать налог и постоянно прибегал к оружию.

Эдхем.

Ваше величество. Казне мало пользы вообще от налогов.

Шах Гусейн-Хан.

Как мало пользы?

Эдхем.

Губернаторы областей из собранных налогов очень мало вносят в пользу казны, а остальную часть они берут себе.

Шах Гусейн-Хан.

Не понимаю, как это мало вносят в казну.

Эдхем.

Ваше величество. С недавних пор установлен такой порядок: губернаторы являются арендаторами областей. Наложение податей зависит от них. Они вносят в пользу правительства определенную сумму, а сверх этой суммы берут в свою пользу, сколько хотят.

Шах Гусейн-Хан (раздумывает).

Ах, так... Ну, что же ты теперь намерен делать?

Эдхем.

Я затрудняюсь.

Шах Гусейн-Хан.

Эдхем, с самого начала ты у меня состоишь первым визирем и все дела правительства вручены тебе, поэтому предлагаю тебе принять меры к усмирению курдов (хочёт уходить).

Эдхем.

Я привошу искреннюю благодарность моему повелителю за оказанное мне доверие, но дело это настолько серьезно, что я один затрудняюсь...

Шах Гусейн-Хан.

Трудного тут ничего не вижу. Курды не настолько страшный народ, чтобы принесли правительству чувствительный вред... Достаточно 500 солдат, чтобы всех связанными руками привести в столицу.

Эдхем.

Ваше величество. Трудность этого дела...

Шах Гусейн-Хан (не дает докончить).

Хорошо. Я понимаю тебя: ты хочешь созвать совет министров. Я ничего не имею (уходит).

Эдхем (взглядом провожает Гусейн-Хана, а потом дает приказ феррану).

Мысли мои разбросаны. Что делать? Он мне все доверяет и надеется, что в государстве есть сила, которую можно выставить против курдов. Для их усмирения не только 500 солдат, но и 1000 мало. Да, наконец, откуда собрать 500 солдат. На лицо сейчас и двухсот нет (раздумывает). Если бы он узнал о других делах. Недавно, например, я получаю известие, что афганцы готовятся к войне... Хорошо, что все это известно только одному мне.

3-е явление (Тахмаз и Эдхем).

Тахмаз.

Эдхем-Хан, что случилось? Почему Вы так задумались?

Эдхем (вставая).

В ожидании его величества.

Тахмаз (в сторону).

Да, в ожидании его величества (с иронией). Разве дело очень важное?

Эдхем.

Не особенно, но шаху угодно сегодня созвать совет министров для обсуждения государственных вопросов.

Тахмаз (с иронией).

Государственные вопросы? А что же в государстве еще остается, чтобы подвергнуть обсуждению в совете министров?

Эдхем (с удивлением).

В государстве, слава Аллаху, все благополучно.

Тахмаз.

А, Эдхем-Хан. Простите. До сих пор доверие и любовь отца к вам вынуждали и меня относиться к вам с должным почтением. Я знаю, что все ключи государственных тайн находятся в ваших руках. Вам известно, что до сих пор я не вмешивался в дела государства, хотя сознавал, что престол после отца перейдет ко мне. Но теперь, когда государству угрожает опасность, я спрашиваю все ли благополучно у нас? И все ли дела вам известны?

Эдхем.

Ваше высочество. Я столько лет честно служу его величеству, столько лет тружусь для блага страны: возможно ли, чтобы я не знал о всех делах государства? В настоящее время (не уверенно) у нас все благополучно...

Тахмаз (проникновенно).

Да, видно, что вам известны все дела государства.

Эдхем.

Посколько возможно.

Тахмаз (спокойно).

А о поведении курдов вам известно?

Эдхем.

Да.

Тахмаз.

Какие меры предприняты против них?

Эдхем.

Сегодняшний совет министров созывается именно по этому поводу.

Тахмаз (с улыбкой).

Со дня восстания курдов проходит уже второй месяц, а вы теперь созываете совет? Удивляюсь.

Эдхем.

Нечего удивляться, ваше высочество. Это не особенно важное дело. Стоит только послать против них 500 солдат и все будут усмирены.

Тахмаз (смеясь).

Ха, ха, 500 солдат. Откуда вы соберете их? Положим, что собрали, но вы уверены, что 500 наших солдат усмирят отчаянных и воинственных курдов? Предположим, наконец, что усмирят. Ну, а что предпринято против лезгин?

Эдхем (с удивлением).

Лезгины? Они давно усмирены. С их стороны нет для нас опасности.

Тахмаз.

Значит, вы не слышали о новом восстании?

Эдхем (в сторону).

Видно Гучи-Бек все передал (Тахмазу). Да... говорят, будто лезгины готовятся к войне, но из этого едва ли выйдет что-нибудь?

Тахмаз.

Как так? Прекрасные места нашего отечества: Баку, Ширван, Нуха уже подпали под власть лезгин, а вы говорите: „едва ли выйдет что-нибудь“? Полно же, Эдхем-Хан! А что же думаете об Афганистане?

Эдхем.

Об Афганистане?

Тахмаз (смеясь).

Да, да об Афганистане. (Пауза). Ах, Эдхем-Хан. Простите вы меня: вы или действительно не знаете об всем этом, или же, зная все это, намеренно скрываете. (Подойдя ближе). Да будет вам известно, что отечество наше в недалеком будущем очутится в большой опасности. Да, я предчувствую эту опасность и не намерен остаться там, где правят страной недостойные люди. Я уйду отсюда, уйду, но, если счастье улыбнется мне, если

аллаху угодно будет вручить мне судьбу этой несчастной страны, то первым ответственным лицом в гибели отечества нашего будете признаны вы. Будьте готовы к этому приговору. (Уходит. Эдхем, опустив голову, некоторое время стоит в молчании).

Эдхем.

Да... дело скверно. Мне он грозит страшным судом. Впрочем отец его Гусейн-Хан, когда занял трон, начал интересоваться делами страны, а теперь?... То же самое и с ним будет: он еще молод...

4-ое явление (Гусейн-Хан и Эдхем).

Гусейн-Хан (Входит и садится на трон, за ним два раба несут кальян с подносом).

Эдхем, нет еще визирей?

Эдхем.

Нет, ваше величество.

Гусейн-Хан (покуривая кальян).

Следует послать и за Гурчи-Бек, так как я слышал, он очень ревностный офицер и знает отчасти курдов.

Эдхем.

Повелитель мой, я нахожу неудобным присутствие простого офицера в государственном совете, где председательствует ваше величество. Кроме этого, как бы он ни был храбр и отважен, все-таки он христианин, при котором опасно говорить о тайнах мусульманского государства.

Гусейн-Хан (немного погодя).

Он честно до сих пор служил, а потому мы не имеем права не доверять ему. Я хочу, чтобы он был здесь, тем более, что он не раз воевал с курдами. Его мнение необходимо.

Эдхем (нехотя).

Будет исполнена воля моего повелителя. (В сторону). О, скверно, если Гурчи-Бек будет присутствовать. (Сказав это, подходит к двери и отдает тихо распоряжение.)

Гусейн-Хан (положив правую руку на сердце).

Как странно бьется сердце мое. О! О! (выражение боли).

Эдхем.

Ваше величество, министры пришли!

Гусейн-Хан.

Пусть входят.

5-ое явление. (Джафар-Хан, Рза-Хан, Магомед-Хан, Гурчи-Бек входят, делают глубокий поклон и стоят).

Гусейн-Хан (показывает рукой).

Садитесь. Из доклада Эдхем-Хана видно, что курды будто восстали. (В это время Гурчи-Бек стоит у дверей, молча ждет приказаний Гусейн-Хана, который, увидев его, приглашает сесть и продолжает говорить). Мне кажется это восстание можно подавить, если пошлем против них 500 солдат.

Джафар-Хан.

Конечно.

Рза-Хан.

И этого много.

Магомед-Хан.

Возможно ли в такое короткое время собрать столько солдат?

Гусейн-Хан.

Это дело Эдхема.

Эдхем.

Повелитель мой, собрать их не трудно.

Джавад-Хан (с достоинством).

Не только 500, но и 1000 можно.

Рза-Хан (спокойно).

Конечно.

Магомед-Хан.

Каким же образом в короткое время найдем мы для столько солдат ружья?

Гусейн - Хан.

Все это поручается Эдхем-Хану. Я надеюсь, что он сделает все, что необходимо; ему же поручается назначение главнокомандующего, в помощь которому я с своей стороны предлагаю Гурчи-Бека, знакомого с обычаями курдов (Гурчи-Беку). Гурчи-Бек, кстати, не может ли нам сказать, что нибудь по этому поводу.

Гурчи - Бек (смушаясь, встает).

Повелитель мой, я всегда готов служить государству. Я благодарю всевышнего, который дал мне возможность доказать свою любовь к отечеству в нескольких сражениях с неприятелями. Хотя 4 месяца тому назад возведено было на меня обвинение в неверности, но последняя война с афганцами, к моему великому счастью, рассеяла все сомнения и дала мне возможность еще раз доказать свою любовь к шаху и отечеству. Теперь я глубоко тронут вниманием моего повелителя, желающего узнать мое мнение. Конечно, если позволено будет, я выскажу все то, что мне известно.

Гусейн - Хан.

Говори, что знаешь. Я слушаю (все обращают внимание на Гурчи-Бека, Эдхем смотрит вниз).

Гурчи - Бек (смелее).

Цель сегодняшнего совета в том, чтобы принять меры против беды, грозящей стране. Но прежде, чем обсудить вопрос о мерах предотвращения беды, мне кажется, необходимо выяснить ту силу, с которой нам придется бороться. Курды убили Джавад-Хана уже два месяца тому назад...

Гусейн - Хан (сердито).

Два месяца?

Гурчи - Бек.

Да, повелитель мой, два месяца.

Гусейн - Хан (Эдхем-Хану).

А ты говоришь несколько дней тому назад?

Эдхем (от испуга не в состоянии говорить).

А... да... каж... кажется два месяца...

Гусейн - Хан (сердито).

Да, да, да (Гурчи-Беку). Говори все.

Гурчи - Бек.

Да, повелитель мой, два месяца... Храбрость курдов нам хорошо известна. Нет сомнения, что в течение этого времени они достаточно успели укрепить свои позиции, а потому я полагаю, что с 500 солдат мы ничего не сделаем. Я, конечно, не боюсь курдов, но, выступая против врага, необходимо сообразоваться с его силой. С 500 солдат я смело бы пошел против курдов, когда только что началось восстание, а теперь не понимаю, почему на мое донесение по этому поводу Эдхем-Хан не обратил внимание.

Гусейн - Хан (сердито к Эдхему).

Отвечай!

Эдхем (встает).

Повелитель мой, человек вообще в совершении какого-нибудь действия должен быть осторожным, в особенности в делах столь важных для государства. Узнав о восстании курдов, я стал проверять факты, чтобы удостовериться в действительности их. Затем мне надо было выяснить причину восстания, чтобы подыскать соответствующие меры...

Гурчи - Бек

О, еслиб это заявление было искренним (задумывается).

Гусейн - Хан.

О чем ты задумался, Гурчи-Бек?

Гурчи - Бек.

Повелитель мой, хочется мне высказать все, по...

Все (кроме Эдхема).

Говорите все, говорите.

Хоть я и исповедую христианскую веру, но это не мешает мне быть верным слугой великого шаха мусульманского. Во имя истины, во имя моей искренней любви к Наследнику престола, будущее которого находится в зависимости от положения настоящих дел, я принужден сказать, что первый враг страны Эхем-Хан (пауза, все смущены). Да, я имею основание так смело высказать свое мнение. Сегодня же, до открытия этого высокого заседания, я прочел Эхем-Хану частное письмо Кавказа, в котором пишут, что Баку, Ширван, Нуха, Дербенд попали под власть лезгин. Он же просил меня держать это в секрете. Да, наконец, что предпринято против такого страшного внутреннего врага, как разбойник Имам-Верди, который своим сыном опустошает села и деревни? А это ведь все известно Эхему.

Гусейн-Хан (с гневом хочет встать).

Что? Что ты сказал?

Гурчи - Бек (решительно).

Я, повелитель мой, к сказанному должен еще прибавить, что НаDIR, как мне известно из некоторых источников, намерен образовать самостоятельное государство из городов, завоеванных лезгинами (подает письмо Гусейн-Хану) Гусейн-Хан читает письмо в большом волнении.

Рза-Хан.

Удивительное дело.

Джафар-Хан.

До сих пор об этом мы не знаем.

Магомед-Хан.

О многом мы не знаем.

Гусейн-Хан (встает и гневно произносит).

Эхем! Эхем! Эхем! (все встает)

(Происходит в одной из деревень Хорасана. Сцена представляет дом Надира вдали и дорогу).

1-ое явление (два странника).

1-ый странник.

Сын мой, старость не радость. Я уж устал, ноги отказываются служить. Сядем, немного отдохнем (сидятся). Я рад, что с тобой встретился, а не то пришлось бы этот длинный путь идти одному. Ох! Ох!

2-ой странник.

Что, дядя, вздыхаешь?

1-ый странник.

Как не вздыхать, сын мой. Мне теперь 70 лет. Мне нужен отдых, а между тем приходится работать через силу. Да, сын мой, трудно живется нашему брату. Ни денег, ни хлеба нет, а приходится думать о насущном для семи душ, которые сидят дома у меня. Вот теперь ради них иду в город, чтобы заработать на самое необходимое. А куда я годеи? Разве только быть чернорабочим? Да и на это не гожеусь.

2-ой странник.

Почему же земледелием не занимаетесь? Разве земля плохая?

1-ый странник.

Сын мой, разве дают возможность сеять? С одной стороны афганцы, после покорения, разоряют, с другой стороны—беглец НаDIR. Словом нет ни минуты покоя от них.

2-ой странник.

Что это за человек НаDIR, дядя. Вот уж два месяца, как я приехал сюда, постоянно слышу о НаDире и рассказывают такие вещи о нем, что уму не постижимо.

Да... Ты откуда, сын мой?

2-ой странник.

Я родом из Хорасана; теперь уже 10 лет, как я в разлуке со своей семьей. После покорения узбеками Хорасана так тяжело стало жить, что трудно было найти хлеба на дневное пропитание. Оставив жену с двумя детьми и старуху мать в Хорасане, я стал странствовать с целью заработать на насущный хлеб и поддерживать кое-как существование несчастной семьи. После долгих трудов и мучений я, наконец, прибыл в Эривань. Тогда Эривань принадлежал туркам, под владычеством которых можно было еще кое-как жить. Неустанно работая в продолжении одного года, я собрал сто рублей, которые с знакомым из Хорасана отправил семье. Но к великому несчастью, мой знакомый по дороге столкнулся с известным разбойником Имам-Кули-Верди, который ограбил его до последней нитки... Теперь иду домой с пустыми руками, чтобы только видеть своих детей. Не знаю, пайду ли их в живых. Ах, эти разбойники—наказание божие.

1-ый странник.

Да эти разбойники—звероподобные люди. Они не боятся ни аллаха, ни падишаха: у них нет ни совести, ни жалости к другим. Но ничего; в конце концов, они сами подвергнутся той же участи, какой они подвергают других. Вот, например, Имам-Кули-Верди. Сколько людей пострадало от него? Сколько невинных детей осталось сиротами из-за него? Сколько несчастных матерей и отцов лишилось своих детей. А все же сам сделался жертвой одной пули.

2-ой странник.

Как же его убили?

1-ый странник.

Во время перестрелки.

2-ой странник.

Слава аллаху!

1-ый странник.

Да, слава аллаху. Но не радуйся сын мой. Ты знаешь ведь пословицу: из огня да в полымя. Так вот очутились и мы в таком положении. Имам-Кули-Верди погиб, но оставил после себя сына Надира, который по жестокости и отважности превосходит своего отца.

2-й странник.

Это тот самый Надир, имя которого так гремит?

1-й странник.

Да этот самый.

2-й странник.

Удивительно!

1-й странник.

Нечему удивляться, сын мой. Все зависит от воспитания: до пятнадцати лет Надир жил среди разбойников — товарищей отца. Нет сомнения, что рассказы об их подвигах и подвигах его отца, зарождали в мальчике желание идти по их следам. Поэтому и не удивительно, что Надир с 15 лет начал заниматься ремеслом своего отца. Теперь он гроза страны. Раньше все-таки, по повелению Гусейн-Шаха, его преследовали, а теперь вот уже месяц, как Гусейн-Шаха афганцы взяли в плен, и Надир, пользуясь этим, учиняет еще большие злодеяния. Теперь самое тяжелое время для нас: с одной стороны притеснение афганцев, с другой—опустошительные набеги Надира. Вот видишь (показывает рукой) тот дом. Там именно живет этот бич народа—Надир.

2-й странник. (Испугавшись, вскакивает с места).

Дядя, пожалуйста, уйдем отсюда. Вдруг он увидит нас и тогда не одоброват нам.

1-й странник.

Не бойся, сын мой. Если бы я знал, что он здесь я не шел бы по этой дороге.

2-й странник.

А где же он?

1-й странник.

Он в настоящее время совершает нападение на узбеков, которые в прошлом году, во время одного похода Надира, убили мать его. Вот уже теперь второй год он мстит узбекам за мать.

2-й странник.

А кто же теперь у него дома?

1-й странник.

Дома жена его и сын. Но не думай, что они здесь одни: в каждом углу его дома по несколько десятков разбойников (зевает). Ах! Ну, сын мой, пойдем дальше, а то еще, пожалуй, заснем (встают и отправляются).

2-е явление.

(Жена Надира, — Гюль-Джахан, медленно, осматриваясь кругом, спускается по лестнице).

Гюль-Джахан.

Все в ожидании, а его еще нет. Кто знает, что с ним случилось? Он сегодня должен был приехать (смотрит вдаль). Нет его. Наверное, что-нибудь случилось. Если не теперь, то все равно в конце концов он сделается жертвой пули и оставит нас без защиты. Тогда каждый из посторонних будет мстить вам за его злодеяния. Господи, что меня только ожидает? Меня, дочь Бирабиль-Хана, который во мне находил единственное утешение в жизни? Как он меня лелеял. Какою роскошью он меня окружал. А я... я бросила все это, оскорбила священные чувства моего доброго отца, убежала из родительского очага и, пылая безумною любовью к нему, бросилась в его объятие со словами „бери меня“. Мне казалось, что счастье, которое окружало меня у моего дорогого отца, не есть настоящее счастье и есть что-то другое... Я видела свое счастье в нем, в Надире... Могла ли я думать — неделями я не буду видеться с ним. Сколько раз я просила его, умоляла со слезами на глазах, чтобы он бросил все это, хотя бы ради сына. Он все же непоколебим. Видно суждено мне так жестоко страдать и изнывать (плачет). Издали слышны звуки труб. Она быстро встает, прислуши-

вается и смотрит вдаль). Да, едут. Это он (входит в комнату. Разбойники располагаются по обеим сторонам сцены в ожидании Надира, который идет из глубины медленно, поглядывая по сторонам).

Надир.

Благодарю вас за храбрость. Вы дрались, как львы и показали узбекам вашу силу. Все, что досталось вам от врага, можете разделить между собой. Теперь же идите с богом и отдыхайте! (Они уходят: Надир печально смотрит на свой дом). Месяц тому назад здесь же моя незабвенная мать, встречая меня, со словами: „мой доблестный сын“, обняла и, восторгаясь моими доблестями, от радости заплакала. А теперь где она? О, еслиб она умерла естественной смертью: (сердито). Бессовестный народ, каким только зверским пыткам не подвергали ее? Хотя я в должной мере отомстил узбекам за мать, хотя за одну мать я обезглавил тысячи матерей, отцов и детей узбекских, но все же я не успокоюсь, пока узбеков не сотру с лица земли (стоит в раздумьи).

3-е явление.

(Гюль-Джахан входит и увидев Надира в глубоком раздумьи, говорит в сторону:) боже, что с ним случилось — (медленно приближается к нему) Надир, я тебя жду дома. Отчего не приходишь?

Надир (подняв голову, смотрит на нее и берет ее руку).

Гюль-Джахан, еслиб я с узбеками дрался целый год, день и ночь, то и тогда бы я не чувствовал усталости. Ты видишь, какой тяжелый удар они нанесли мне, убив мою дорогую мать, что я даже забываю свой очаг.

Гюль-Джахан.

Конечно и меня?

Надир.

Повидимому так...

Гюль-Джахан.

Если так, то позволь мне спросить: зачем же ты взял меня? Зачем нарушил ты мой покой? Любя тебя, я нарушила священ-

ный завет для того ли, чтобы тебя не видеть месяцами и вечно находиться под страхом? И ко всему этому, ты еще хочешь отнять у меня последнее утешение, последнюю радость. Ты, как я вижу, хочешь взять с собой моего дорогого сына Прза-Кули. Он уже мечтает об этом. Нет, Надир, это уж будет слишком!

Надир.

Что ты говоришь? Прза-Кули мой сын, и должен быть сыном именно Надира. Подобно тому, как я заменил отца, так и он должен заменить меня. Я постараюсь сделать из него, такого молодца, которого бы боялись цари.

Гюль-Джахан.

А мне вечное мучение? (Плачет.)

Надир (сердито).

Довольно. Уходи отсюда. Твои слезы не размягчат моего сердца (она медленно уходит). Я непоколебим в своем решении. Мою силу должны знать все. Одно имя мое должно наводить страх на всех. Я это чувствую, я вижу, что сейчас народ меня боится больше, чем царя своего Тахмаза. Я уже успел показать себя и Тахмазу, который старается меня поймать. Сарбазы его несколько раз бежали, как бараны.

4-е явление.

Джавад.

Надир! Надир!

Надир (оглядывается назад и, увидев дядю своего, Джавада, обнимает его).

Дяденька, пожалуйста (ведет его). Добро пожаловать. Как здоровье детей?

Джавад (садится).

Спасибо тебе, сын мой. Дети живут кое-как... Я уже стар, не годюсь для работы и на зло в этом году урожай плохой.

Надир.

Дяденька, ты не беспокойся. Я тебе помогу. Ты слышал, как я наказал узбеков. Они долго меня помнить будут.

Джавад.

Эх, сын мой (качает задумчиво головой). Слышал... слышал...

Надир.

Дядя, что ты задумался? Я думаю, ты будешь радоваться, восхищаться подвигами своего племянника, от которого шахские сарбазы бегут, как от огня? Подумай только, какую я славу приобрел? Ты должен мной гордиться, веселиться, но на твоём лице я вижу одну печаль.

Джавад.

Да, милый Надир! Ты храбр, доблестен, неустрашим, как лев, но...

Надир.

Что это значит, но?

Джавад (опустив голову плачет).

Ничего, сын мой, ничего... Дай бог тебе еще больше силы и энергии... (плачет).

Надир.

Что с тобой? Почему ты плачешь? Скажи мне все, что хочешь сказать? Ты не беспокойся, я тебя и твою семью обеспечу.

Джавад.

Сын мой, ты не думай, что эти слезы текут потому, что мне трудно живется? Нет, семья моя обеспечена. Я стар и дни мои сочтены, но я умру не спокойно. Тяжелый камень лежит у меня на груди и давит тем сильнее, как посмотрю по направлению к Хорасану, где лежат мощи наших святых. Ты знаешь, сын мой, в каком безвыходном положении находится в настоящее время наша родина. Ужасно, ужасно, что делается у нас. Святые места наши в руках врагов, которые беспощадно грабят и уничтожают наш народ. Наши все уничтожены; народ доведен до крайней нищеты. Во многих деревнях люди мрут, как мухи. Вот причины моих старческих слез (Надир задумывается. Джавад встает, держит его за руку). Милый, доблестный мой Надир, человек может приобрести славу двойным путем

злом и добром. Слава, приобретенная злодейством, не вечна. О ней говорится только до тех пор, пока живет и злодействует человек, имя которого произносится не иначе, как с проклятием и руганью. Слава же, приобретенная добром, вечна и не всякому доступна. Она передается из поколения в поколение. Ты приобрел славу злом. Допустимо ли, чтобы имя такого доблестного, грозного героя, после смерти, произносилось с проклятием? Допустимо ли, чтобы ты свой ум, энергию, силу употребил только для того, чтобы тебя боялись все? Неужели это тебя удовлетворяет и нет у тебя ничего выше этого? Да, сын мой, вот причины моих старческих слез.

Надир.

Я слушаю тебя не без внимания. Скажи все, что ты хочешь сказать.

Джавад.

Что же мне сказать, мой дорогой Надир? Я хочу, чтобы твое имя произносилось с благоговением, а не с проклятием, а чтобы достигнуть этого, надо свой ум и энергию использовать в интересах нашего несчастного народа и страны. Ты, как герой и истинный мусульманин, должен прежде всего освободить наши святые места, наши земли, где лежат кости наших отцов и матерей. Тогда и Тахмаз-Шах тебя простит.

Надир (с пренебрежением).

Что мне Тахмаз? Много ли у него войска?

Джавад.

Да, у него теперь большое войско, которое прибыло из Тавриза. Он с ним идет на туркменов, чтобы взять обратно Хоросан. Сын мой, я еще раз прошу тебя бросить свое ремесло и посвятить себя делу общему. Тогда имя твое будет прославляться сынами Ирана.

Надир (задумывается и быстро хватается за руку Джавада).

Мой дорогой дядя, слова твои глубоко запали в душу мою и я чувствую, что до сих пор я находился в заблуждении. Я понимаю теперь, что отец мой и я совершенно напрасно

проливали кровь. Хотя и велика моя ошибка, но я надеюсь ее исправить и смыть с себя пятно проклятия.

Джавад (обрадовавшись).

Правду ли ты говоришь?

Надир.

Клянусь создателем неба и земли. Клянусь жизнью моего Рза-Кули, что эта сабля (указывает) с этих пор будет обнажаться только в защиту нашей родины.

Джавад.

Теперь я умру спокойно. Пусть позорное ремесло твое забудется народом, и добрая слава о тебе распространится в Иране.

Надир.

С божьей помощью, я не позволю врагам занять землю Иранскую. Ты, дядя, не беспокойся, иди отдохни.

Джавад.

Хорошо, мой дорогой Надир (уходит).

Надир (один).

Я и в самом деле до сих пор был в ужасном заблуждении. Да, впрочем, я не виноват в этом. Виновато мое воспитание. Это гадкое ремесло так вкоренилось во мне, что я думал: мне провидением предписано продолжать бесплодные подвиги своего отца. Да, бесплодные, губительные подвиги для народа. Что же эти подвиги оставили после себя... Проклятие, проклятие, со стороны мирного народа. И только группа злосчастных разбойников восхищается теперь этими подвигами. О, ты, отец мой родной, гроза Ирана, сын твой Надир смеет с могилы твоей черное пятно. О, ты, мать моя дорогая, безвременно погибшая от рук врагов! Причина твоей смерти—мое злодейство. Я это сознаю, но клянусь твоим прахом, я сделаю все, чтобы все женщины Ирана прославляли твое имя. Итак, с богом (хочет уходить).

Гюль-Джахан (весело подбегает к нему).

Надир, что я слышала. Правда ли все то, что сейчас сказала мне дядя.

Надир (притворяется).

В чем дело?

Гюль-Джахан.

Зачем ты от меня скрываешь?

Надир.

Что?

Гюль-Джахан.

Будто не знаешь. Он говорит, что ты отказываешься от своего ремесла. Правда это. Да?

Надир (в сторону).

Несчастная, с радости не знает, что делать (обращается к ней). Да, Гюль-Джахан, отныне я отказываюсь от своего позорного ремесла. Отныне благополучию Ирана я приношу в жертву и ум, и силу, и энергию.

Гюль-Джахан (падает на колени и поднимает руки вверх).

Великий мой алах! Ты внял слезам несчастной матери и любящей жены. Ты услышал мою молитву, которую я твердила день и ночь со слезами на глазах. Тебе одному слава! (Плачет).

Надир (подходит и поднимает ее).

Не плачь, успокойся. Иди, успокой дядю. Он устал с дороги.

Гюль-Джахан (радуется).

Сейчас, мой дорогой Надир (уходит).

Надир (вслед).

Бедная женщина. Как она пострадалась и как она изменилась. Да, она меня любит, иначе не перенесла бы всего этого. Ведь она единственная дочь Бабиль-Хана, жила в роскоши и неге, а теперь... Ничего... Я ее теперь успокою (уходит).

5-ое явление.

Рза-Кули (обнажив шашку, осматривает). А ну-ка, как он мне исправил? Да, ничего. Интересно, я поправлюсь отцу или нет. Он вообще любит храбрых. Хотя я первый раз с отцом еду, но он так много мне рассказывал об этих разбоях, что будто я все это видел сам. Меня так и тянет. Я считаю часы и минуты, когда, наконец, рядом с отцом, впереди всех отправлюсь на узбеков, чтобы показать свою храбрость. Вчера один из разбойников рассказывал, какие чудеса папа совершает. Говорит: Надир дерется всегда впереди и своим примером воодушевляет других. Он никогда, говорит, попусту не размахнется шашкой, но если уж размахнулся, то обязательно голова врага валится на землю. Один его крик, наводит на врагов такой ужас, что они часто пускаются перед ним в бегство. Ах, когда, наконец, настанет то время, когда я тоже, обнажив шашку, брошусь на врагов и крикну: Давай все, что есть, не беги, убью! (Громко) Стой!..

6-ое явление.

Гюль-Джахан (выходит из комнаты на крик).

Что случилось? Ах, ты, Рза-Кули. Ты меня испугал. Почему же ты так кричал?

Рза-Кули (идет к матери).

Успокойся, мама, ничего нет (смеется громко). Ха, ха, ха..

Гюль-Джахан.

Почему же ты так бешено кричал? Подумают, что ты с ума сошел.

Рза-Кули (ласкается).

Ничего, мамочка, ничего. Я упражнялся и представлял себе, что я дерусь с врагом, а он бежит от меня, и вот я ему кричу: стой! Когда же, мама, поедem?

Гюль-Джахан.

Куда?

Рза-Кули.

На разбой.

Гюль-Джахан.

Пожалуйста, оставь эти глупые мысли.

Рза-Кули.

Мама, уверяю тебя, что папа обещал меня взять с собою.

Гюль-Джахан (целует его).

Я тебя не пушу.

Рза-Кули (просит).

Мамочка, пожалуйста не препятствуй. Мне очень хочется

Гюль-Джахан (молча смотрит на Рза-Кули, а потом целует его в глаза).

Ну, скажи же мне, что тебя заставляет поехать с отцом? Разве тебе со мной плохо?

Рза-Кули.

Нет, мамочка, мне не плохо, но я хочу, как и папа, приобрести славу. Неправда ли, ты не помечаешь? Ну скажи, да? (Пристает к ней и ласкается).

Гюль-Джахан (спокойно).

Отец твой на разбой больше не поедет и ты не сумеешь приобрести славы. Следовательно и я не буду в разлуке с этими глазами (обнимает и целует его).

Рза-Кули.

Что ты говоришь? В прошлый раз он сам мне сказал, чтобы я приготовил себе оружие. Теперь ты говоришь, что он не поедет. Я не понимаю. Он тебя, паверно, обманул, чтобы ты не беспокоилась, так как перед отъездом каждый раз ты плачешь.

Гюль-Джахан.

Да, это так было, но теперь больше на разбой он не поедет.

Рза-Кули.

Почему же?

Гюль-Джахан (увидев Надира).

Вот отец идет сюда. Ты спроси его. Он тебе скажет.

7-ое явление.

Надир.

Рза-Кули, ты здесь?

Рза-Кули.

Да, папа.

Гюль-Джахан.

Рза-Кули страшно меня испугал. Я была в комнате и вдруг слышу, кто-то кричит: „бью, стой!“ Выскочила сюда и вижу— это он.

Надир.

Что же ты делал, сын мой?

Рза-Кули.

Ничего. Я упражнялся.

Надир.

В чем же?

Гюль-Джахан.

Говорит: „я тоже хочу подобно отцу приобрести славу“.

Надир (гладит голову сына).

Храбрый мой сын.

Гюль-Джахан.

А я уверяла эго, что ты больше на разбой не поедешь.

Надир.

Мой дорогой сын, ты можешь славу приобрести, только честным путем, каким я приобрел. Ты постарайся приобрести славу не разбоями, как твой отец, а хорошими, полезными для

народа делами. Я твой отец и говорю тебе, что мои деяния до сих пор были злые. Я теперь сознаю свои грубые ошибки. С сегодняшнего дня ты забудь все то, что ты слышал от меня и от других о разных разбоях и грабежах наших. Я опять тебе повторяю: я все время заблуждался. У меня была сила, отвага, но я не знал, куда применять эту силу. Теперь же, когда я узнал, что наши святые места подвергаются поруганию врагов, я дал слово, чтобы всю свою силу и энергию употребить на освобождение этих мест от врагов. С этого дня наши шашки должны обнажаться только для этой цели. Я надеюсь, сын мой, что ты меня понимаешь.

Рза-Кули (молча ставится на колени и опускает голову).

Да, да...

Надир (поднимает его и целует).

Встань, дорогой мой сын, теперь я знаю, что за меня ты готов отдать и голову.

Гюль-Джахан (обнимая Рза-Кули).

Что? Я тебе говорила!

Надир.

Ну, сын мой, скажи также людям, чтобы готовились. А ты (Гюль-Джахан) приготовь мне все, что необходимо. А что дядя?

Гюль-Джахан.

Отдыхает.

Надир.

Видно, старик устал. Пусть отдыхает. Пока он мне не нужен.

Гюль-Джахан.

Хорошо (уходит).

Надир.

Да, Рза-Кули меня очень любит. Он понял меня и в знак покорности стал на колени. Боже, всю остальную жизнь свою я посвящаю только хорошим делам. Я прошу тебя, мой великий аллах, не разлучить меня с этими дорогими, живыми, умными глазами дорогого Рза-Кули!

8-ое явление.

Рза-Кули.

Папа, все готовы и ждут приказания вашего.

Надир.

Пусть сюда собираются. Дождусь ли я освобождения Херасана?

11-ое явление. (Рза-Кули и разбойники)

Надир (к ним).

Пришли. Сию минуту поезжайте все по деревням и селам. передайте от меня народу, что я прошу всех сюда ко мне. Скажите им, чтобы они не боялись меня. Я созываю их для их же пользы. Слышите?

Все.

Слышали.

Надир.

Ну, отправляйтесь. А ты, Рза-Кули, прикажи, чтобы приготовили мою лошадь (уходит).

Собирается толпа. Один из толпы (с удивлением).

Что это значит?

Второй.

Что-нибудь да не так.

Третий.

Повидимому, устал, не хочет больше утруждать себя разбоями, а желает, чтобы мы платили ему дань.

Четвертый.

Словом, это не к добру.

Пятый.

Мало ли мы терпим от внешних врагов. Неужели же и он хочет обобрать нас? Я советую всем разойтись. Пусть делает.

что хочет. Мы без того в крайней нищете, мы мертвы, а что он с мертвых-то возьмет (среди толпы волнение. Толпа обращается к собравшим их разбойникам).

Толпа.

Для чего нас сюда собрали? (В это время Надир показывается. В толпе гробовая тишина).

12-ое явление.

Надир.

Господа, добро пожаловать. Я знаю хорошо, что вы до сегодняшнего дня проклинали моего отца и меня за то зло, которое мы вам причинили за все это время. Сегодня я хочу у вас просить прощения за преступное мое деяние. С этого же момента, клянусь всемогущим аллахом, что тело, душа и ум мой будут принесены в жертву тому народу, который в настоящее время находится в крайне жалком состоянии. Это вы, мои несчастные соотечественники. Вы долго находились под гнетом внутренних и внешних врагов. Я теперь сознаю всю низость своего ремесла, теперь вы меня не бойтесь: я теперь хочу смыть с себя позорное пятно. Чем?—спросите вы (в толпе движение). Выслушайте меня. Я твердо решил выгнать из земли нашей врагов наших. Вы знаете, что наши святые места уже в руках врагов. Это великий позор для нас. Я думаю, что каждый из вас сознает этот позор и сердца ваши обливаются кровью при одной мысли, что Хорасан в руках сеистанцев. Итак, товарищи, освободим же этот священный Хорасан от врагов! Избавим наш без того нищий народ от хищничества врагов. Воворим, наконец, в своей родной стране мир и покой! Пусть плодами наших жертв пользуется будущее поколение! Пусть это поколение знает, что сыны Ирана всегда способны защищать свою честь. Итак, теперь я иду на сеистанцев. Согласны ли вы?

Толпа (воодушевленно).

Согласны! согласны!

Надир.

Если так, то сейчас же отправляйтесь по городам, деревням и селам, объявите народу, что Надир идет на сеистанцев с

целью освободить Хорасан. Поэтому пусть всякий, кто способен владеть оружием, присоединится к нам во имя чести Ирана. Но помните, что в данном случае оружие поможет не столько, сколько сознание своего долга. Теперь за дело, дорогие мои товарищи!

Все.

Мы готовы сложить свои головы ради нашей дорогой родины. Веди нас, куда хочешь. Да здравствует Надир!

2-ое действие (3 картина).

(Происходит по дороге к Хорасану. Вдали палатка Тахмаза и часовой с ружьем. Ближе два солдата разводят огонь).

Первый солдат

Как ты думаешь, поход наш на Хорасан удачен будет или нет?

Второй солдат.

Ты сомневаешься?

Первый.

Да, потому что сеистанцы, говорят, уже в крепости. Трудно будет выгнать их оттуда.

Второй.

Посмотрим, но нам кажется в ожидании чего-то, поэтому не двигается вперед.

Первый.

Чего он будет ждать? Сеистанцы не на столько глупы и трусливы, чтобы без боя возвратить крепость. Ты знаешь, сколько дохода приносит Хорасан от паломников?

Второй.

Правда ли это, говорят, Хан сеистанский очень хорошо обращается с солдатами. Он, говорят, всю военную добычу разделяет между своими солдатами?

Первый.

Потому, вероятно Махмуд-Хан и пользуется большим уважением и любовью своих подчиненных.

Второй (смотрит вдаль).

Кто-то скачет по направлению к нам.

Первый.

Где?

Второй (показывает рукой).

Вон там! (оба внимательно смотрят).

Первый.

Не наш.

Второй.

Нет, не наш.

Первый.

Посмотри хорошенько. Вдали много конных.

Второй.

Правда, как много их. Интересно узнать, кто такие?

Надир (смело подходит к Тахмазу и, сняв с себя шапку, передает ее Тахмазу).

Великий шах, этой шапкой я массу отцов оставил без детей и массу детей без отцов и матерей. Этой шапкой пролито много невинной крови. Теперь же чувство патриотизма охватило все мое существо и заставило меня явиться к тебе, государь. Казни меня этой же шапкой за совершенные мною преступления, или позволь мне с моим храбрым войском идти на врагов, прогнать их с дорогой нашей родины. Хотя дядя мой Джавад послан был донести о моем намерении, но я тайно узнал о положении Хорасана. Сердце обливалось кровью, и я не мог ждать. Итак, великодушный царь, я перед тобой с опущенной головой.

Тахмаз (возвращает шапку Надиру).

Надир. Твое чистосердечное признание о своих злодеяниях, твое искреннее чувство любви к родине меня обязывает простить тебе все и бог тебя простит. С этого момента я назначаю тебя главнокомандующим всей своей армии и тем пору-

чаю тебе судьбу нашей дорогой родины. (Затем, обращаясь к войску). Счастливы те сарбазы, которые имеют такого неустрашимого полководца (указывает на Надира). Да здравствует Надир-Хан!

Войско.

Да здравствует Шах-Тахмаз! Да здравствует Надир-Хан (музыка играет персидский марш).

4-ая картина.

(Действие происходит под Хорасанской крепостью. Вдали Надир делает смотр войску).

Надир.

Мирза-Мехти! (медленно идет и садится на большой камень, опустив голову).

Явление 1-ое.

Мирза - Мехти.

Что прикажете, ваша светлость?

Надир (поднимает голову).

Вы здесь?

Мирза - Мехти.

Сегодня третьи сутки ваша светлость не имеет отдыха и сна. Это повредит здоровью.

Надир.

Мирза, вчерашняя битва мне придала еще больше бодрости. Я чувствую себя, как сокол. Правда ли, Мирза, что вчерашняя битва по своей грандиозности не похожа на предыдущие. Я надеюсь сегодня же взять крепость приступом (встает и обзоревает войско).

Мирза - Мехти.

Ваша светлость, будет ли отдых нашему войску?

Надир.

Нет. Сегодня же начинаем. Враг достаточно измучен и нельзя дать ему оправиться, а наши еще вполне бодрые. Я непременно должен сегодня взять крепость (шум). Мирза, узнайте, что это там за шум? (Мирза уходит). Да, Тахмаз теперь радуется, если только дошли до него слухи о наших успехах. Он, вероятно, питает ко мне большое доверие, иначе сразу не дал бы таких полномочий. Впрочем, мне тоже не следует доверчиво относиться. Повидимому Тахмаз не знает истинного положения дел, иначе не приказал бы мне немедленно отправиться в Пешахань (опускает голову и думает).

Явление 2-ое.

(Входит Мирза-Мехти, но увидев Надира, в раздумьи молчит).

Надир (поднимает голову).

Ну, что?

Мирза-Мехти (улыбаясь).

К вашей светлости делегат от сейстанцев.

Надир (встает).

— Ха, ха, ха. Вероятно, для переговоров (к Мирзе). А что, Мирза? Во всяком случае, крепость должна сдаться. Впрочем, попросите делегата (Мирза уходит). Да, видно сознают, что я шутить не люблю. Почувствовали мою силу. Не только делегат, но и сам Хан придет с просьбой, чтобы я оставил его в покое и то я не соглашусь. Он может просить только о том, чтобы я пощадил его жизнь. Да, это возможно...

Явление 3-е.

Делегат.

Приветствую вас от лица сейстанского хана, который возложил на меня миссию вести с вами переговоры.

Надир.

Что прикажете?

Делегат.

Повелитель мой желает для общей пользы прекратить кровопролитие.

Надир.

На каких условиях?

Делегат.

Хан готов на очень солидную контрибуцию.

Надир (злостно).

Ха! ха! Он в крепости сидит и предлагает контрибуцию. Хорошо. Превосходные мысли у вашего повелителя...

Делегат.

Еще одно условие: он обещает вперед больше не воевать с Ираном.

Надир.

Господин делегат, передайте своему повелителю, чтобы к вечеру он готовился. Я вечером прийму к его светлости пани-санный акт и заставлю его подписать хотя бы у него и были завязаны руки.

Делегат (удивленно).

Простите! Я не понял?

Надир (сердито).

Я надеюсь, что через несколько часов Вы поймете меня. Повидимому Ваш повелитель все это время был во сне, иначе после вчерашней битвы не предлагал бы этих для нас оскорбительных условий. В самом деле, слышано ли, чтобы, так легко овладев нашей родной землей, святыней нашего народа, а взамен предлагать контрибуцию. Нет, господин делегат, мы вовсе не нуждаемся в Ваших деньгах, мы еще на столько сильны, что за честь свою всегда стоим. Итак, мое последнее слово: если Ваш повелитель не желает понасть в плен, если он не хочет, чтобы напрасно проливалась кровь, то предлагаю в течение 2-х часов очистить мне крепость. В противном случае, я сегодня же

не оставлю камня на камне. Теперь Вы свободны. (Делегат уходит). (К Мирзе). Мирза, не удивляйтесь ли ты этим условиям?

Мирза-Мехти.

Да, повидимому, прекращение вчерашней битвы они иначе истолковывают: вероятно думают, что мы устали.

Надир-Хан.

Так и должно быть, но в таком случае я им покажу. Теперь, Мирза, наблюдайте, как мои львы будут драться. Прикажите трубачам дать сигнал. (Мирза уходит). Да, повидимому, Хорасаном враг дорожит. (Задумывается).

Явление 4-ое.

Мирза-Мехти.

Получено письмо из Афганистана.

Надир-Хан.

Читайте!

Мирза (читает письмо вслух).

„Спешу донести вашей светлости, что слухи о ваших подвигах сильно тревожат афганцев, которые убеждены, что ваша светлость после взятия Хорасанской крепости выступите против них. В виду этого на днях состоялся экстренный совет, на котором решили выпустить Аллах-Ер-Хана из тюрьмы и поставить его во главе армии против Вас. Сооружаются новые укрепления. В Фарманбад уже отправлен отряд конницы, который будет мешать Вам с тыла. Словом всеми силами стараются отрезать Вам дорогу. Обо всем этом имею честь донести вашей светлости. Шариф-Хан.“

Надир-Хан (поддерживая голову рукой).

Это известие не из приятных. Оно изменяет мои планы (встает). Как бы то ни было, я сегодня должен покончить с сеистанцами. Мирза, готовьтесь. (Сам поднимается в глубине сцены на возвышенность. Трубачи дают сигнал о начале битвы. Шум за кулисами).

3-е действие. (Происходит в Исфахане. Шах-Тахмаз в тронной зале, а перед ним первый его визирь Гейдар-Хан).

Шах-Тахмаз.

Есть ли известия от Надира?

Гейдар-Хан.

Есть, повелитель мой.

Шах-Тахмаз.

Что же он пишет? Чем меня радует?

Гейдар-Хан.

О, еслиб он радовал нас! Известия не совсем утешительны. Половину войска оставил на поле сражения, не достигнув желанных результатов.

Шах-Тахмаз.

Я не поверю, чтобы Надир ничего не мог сделать.

Гейдар-Хан.

Да, повелитель мой, к сожалению, это так. Я вначале еще дерзнул предупредить, ваше величество, не доверяться бывшему разбойнику. Кто знает, что он сделал с войском и что сделает. Впрочем войско ничего, но....

Шах-Тахмаз.

Что же по?

Гейдар-Хан.

Не смею сказать.

Шах-Тахмаз (сердито).

Приказываю сказать!

Гейдар-Хан.

Говорят, будто войско только его знает.. будто он осмеливается мечтать о троне....

Шах-Тахмаз.

Кто это говорит. Откуда все это известно?

Гейдар-Хан.

Его ослушание не есть ли первое доказательство. Ведь сколько раз писалось ему, чтобы он приехал сюда. Почему же он не едет?

Шах-Тахмаз (после продолжительной паузы).

Да, ты прав. Он явно не исполняет моего приказа. Ему приказано о каждом своем действии доносить мне, а между тем до сих пор ничего нет.

Гейдар-Хан.

Повелитель мой, писать то он пишет, но верить ли его словам. Например, он пишет, Хорасанская крепость уже занята нами, что афганистанского эмира взял в плен и т. п. Мне кажется, что все это он сообщает с целью успокоить ваше величество, а сам, находясь вдали, подготавливает прочную почву для преступной своей цели.....

Шах-Тахмаз.

Если так, то сейчас же отправить Сулейман-Хана с отрядом, чтобы лишить его всех полномочий. Да!.. да!.. так и надо сделать: я не позволю разбойнику достигнуть преступной цели. Я прикажу снять ему голову.

Гейдар-Хан.

Да, повелитель мой, необходимо принять энергичные меры; в противном случае беда нас постигнет сразу. Я даже думаю, что не следует слушать его оправдания, так как он способен выходить сухим из всякого положения.

Шах-Тахмаз.

Нет, нет. Какие могут быть оправдания. Сию минуту привели в исполнение то, что приказано. (Гейдар-Хан уходит).

(Думает). Но ведь с Надиром нужно быть осторожным. Он пользуется всеобщим уважением, его почитают не только войско и народ, но вся бюрократия..... (Пауза).

Явление 1-ое.

Гейдар-Хан.

Повелитель мой, сейчас я получил известие, что Надир в 15 верстах от города.

Шах-Тахмаз.

Вот как! (теряется). Сейчас нужно отдать приказ о том чтобы его в город не пускали.

Гейдар-Хан.

Нет, повелитель мой, это будет преждевременно. Нельзя его остановить. По моему, пусть лучше придет, а когда явится к вашему величеству с докладом, приказать палачу, чтобы совершить тут же над ним казнь.

Шах-Тахмаз.

Прекрасно. Ты распорядись, чтобы палач был здесь, в другой комнате, затем надо отдать приказ по городу, чтобы никаких почестей ему не было оказано (в это время поднимается шум: кричат „Надир идет!“. „Надир идет!“. „Да здравствует Надир!“. Шах-Тахмаз не знает, что делать. Гейдар-Хан хочет выйти. Надир с своими подчиненными ханами входит и все падают на колени перед Шахом, желая получить царское благословение).

Шах-Тахмаз (с пренебрежением).

Встаньте. Лицо, не исполняющее царского приказа, недостойно его благословения (все встают и в недоумении смотрят друг на друга).

Надир.

Повелитель мой, в чем же моя вина?

Шах-Тахмаз.

Вина твоя велика: вот уже несколько месяцев ты во главе моего войска действуешь самостоятельно и никаких отчетов

о своих делах не находишь нужным представлять мне. Это слишком дерзко с твоей стороны. Я теперь не сомневаюсь, что у тебя есть и были преступные замыслы. Но нет... Ты недостоем этого... (громко). Палач! (из другой комнаты выходит палач с обнаженным мечом).

Надир (громко к палачу).

Постой! (палач теряется и невольно бросает меч). Повелитель мой, я прошу убедительно приказать кому следует, принести те письма и донесения, которые были посланы мною за все это время.

Шах-Тахмаз.

Какие письма?

Надир.

Те письма, в которых до мельчайших подробностей доносились вашему величеству... (обращаясь к Мирзе) так ли Мирза?

Мирза-Мехти.

Совершенно верно! Я сам писал все.

Шах-Тахмаз (обращаясь к Гейдар-Хану).

Гейдар-Хан, где эти письма? Принеси сейчас их! (Гейдар уходит).

Надир.

Повелитель мой, помните мою клятву, данную перед войском?

Шах-Тахмаз.

Это были слова и только.

Гейдар-Хан.

Получено заявление и два письма (вручает Шаху, который читает).

Шах-Тахмаз (качает головой).

Да, еслиб все это было так...

Надир.

Повелитель мой, почему нельзя верить и зачем мне было писать неправду или преувеличивать? Но это не все. Я осмеливаюсь просить ваше величество прочесть мое третье письмо.

Шах-Тахмаз (к Гейдар-Хану).

Разве есть третье?

Гейдар-Хан.

Содержание третьего письма я докладывал вашему величеству. Там особенного ничего нет. Я еще имею секретный доклад об этом донесении Надир-Хана.

Надир.

Я еще раз осмеливаюсь просить ваше величество, приказать доставить третье письмо. Во вторых, я не понимаю, какие секретные дела могут быть от меня, когда я за честь родины нашей готов положить свою голову. Этим я приобрел доверие и любовь к себе всего войска.

Шах-Тахмаз.

Да, Надир, ты слишком самоуверен. Неужели ты думаешь о престоле? (ирония).

Надир.

Повелитель мой, верьте мне, что я думаю лишь только о благосостоянии нашей родной страны. Я теперь только догадываюсь, что все это интриги. Да, теперь только я понимаю и догадываюсь... Что же теперь? Остается или мне верить в самоотверженной моей службе царю и отечеству, или же достать третье письмо, из которого будет все ясно? Это письмо не только оправдает меня в глазах моего повелителя, но, быть может, послужит основанием для высшей награды. Эти храбрые вожди (указывает на окружающих ханов) и солдаты, как львы, дрались с врагами. Разве они, эти, поистине защитники отечества, достойны такого царского приема? Они, отразив врага, взяв в плен авганского хана, с великой радостью возвращались к вашему величеству услышать одобрительное слово, царское спасибо, но...

Шах-Тахмаз.

Довольно мне читать потапию. Стуайте! (Надир и ханы уходят). Да, одобрительное слово. Царское спасибо. Получивши у меня высшую награду. Вчерашний разбойник читает теперь мне потапию! Это без сомнения так... Гейдар прав... Человек одно из самых неблагодарных животных. Стоит ему дать власть над другими, он забывается скоро и начинает мечтать о том, чего совсем недостойн... Во всяком случае это дело нельзя так оставить. Надо своевременно предупредить грозу... А что же сделать?... Как узнать, что у Надира преступная цель: Гейдару я не особенно доверяю... Да... я нашел хороший исход. Мирза-Мехти, как секретарь Надира, знает все тайны его. Под угрозою казни он все мне откроет (слуге). Позвать сейчас Гейдар-Хана!

2-е явление

Гейдар-Хан.

Слушаю; повелитель мой!

Шах-Тахмаз.

Сию минуту позвать ко мне Мирза-Мехти!

Гейдар-Хан.

Мирза-Мехти?

Шах-Тахмаз.

Да, да Мирза-Мехти—сейчас же позвать сюда: он секретарь и друг Надира. Я все теперь узнаю.

Гейдар-Хан.

Достоин ли он внимания вашего величества?

Шах-Тахмаз.

Напрасно ты о нем такого мнения. Он человек с умом. Я его знаю. Он мне откроет все тайны Надира.

Гейдар-Хан (нехотя).

Слушаю (уходит).

Шах-Тахмаз.

Да... Мехти должен все открыть. Хотя он очень предан Надиру, но под угрозою смерти скажет всю правду...

3-е явление.

Гейдар-Хан.

Повелитель мой, Мирза-Мехти здесь!

Шах-Тахмаз.

Пусть войдет.

4-е явление.

Мирза-Мехти.

Приветствую моего повелителя!

Шах-Тахмаз.

Садись (Мехти не садится, а покорно стоит. Шах-Тахмаз к Гейдар-Хану). Оставь нас! (к Мехти). Мирза-Мехти, сила твоего пера принуждает меня назначить тебя на высшую должность по моей личной канцелярии, но я надеюсь на твою честность и любовь ко мне.

Мирза-Мехти (кланяется).

О, повелитель мой, я тронут до глубины сердца вниманием, но только едва ли годен на высшую должность!

Шах-Тахмаз.

Я ценю твои познания, которыми ты принесешь громадную пользу отечеству. В то же время я не сомневаюсь, что ты, как искренний патриот, предвидя беду, грозящую нашей родине, сумеешь своевременно предупредить ее или довести об этом мне... (Мирза-Мехти-Хан задумывается). Что же, не понимаешь меня?

Мирза-Мехти.

Да, повелитель мой, не совсем мне это понятно!

Шах-Тахмаз.

Да, вот тебе пример: представь себе, что кто-нибудь намеревается незаконно завладеть тронном, или, наконец, убить царя твоего. В таких случаях ты обязан об этом немедленно донести кому следует.

Мирза-Мехти.

Без сомнения!

Шах-Тахмаз.

Если так, то не можешь ли сказать мне о замыслах Надира. Ты слышал или нет?

Мирза-Мехти.

Нет, повелитель мой.

Шах-Тахмаз.

Быть может, в дружеской беседе он проговорился о желаниях... ну, царствовать, что ли?

Мирза-Мехти.

Повелитель мой, вот уж сколько лет я с ним живу, у него нет секретов от меня, но по отношению к царю, отечеству, кроме благородных порывов с его стороны, я ничего не замечал. Во время сражения он всегда сражается в первых рядах. Не любящий своего царя и отечества может ли так рисковать своею жизнью?

Шах-Тахмаз.

Да... значит ты ничего не слышал?

Мирза-Мехти.

Ничего, повелитель мой.

Шах-Тахмаз (с гневом).

Ничего... Так ты мне скажешь обо всем тогда, когда будешь сидеть в тюрьме... Если жизнь тебе еще не надоела, то будь осторожен, никому ни слова о нашей беседе. Слышишь, никому. Можешь идти. (Мирза-Мехти кланяется и уходит).

Шах-Тахмаз.

Не ошибается ли Гейдар. В самом деле, мне трудно верится, чтобы Надир был так дерзок. Нет, быть не может... Впрочем, кто знает?..

Явлении 5-ое.

Гейдар-Хан.

Что может заставить моего повелителя впасть в глубокую думу?

Шах-Тахмаз (поднимает голову).

Это ты?.. Гейдар, меня мучает неизвестность. Твое мнение о Надире мне кажется ошибочным. Или, быть может, ты это делаешь с целью? Гейдар, ты первый мой визирь и все ключи государственных тайн в твоих руках. Я надеюсь, что ты ценишь это мое доверие к тебе. Неужели ты станешь злоупотреблять этим. Сейчас я беседовал с Мирза-Мехти, который свидетельствует о том, что Надир искренно любит меня и свое отечество. Наконец, третье письмо, на которое указывает Надир, еще больше увеличивает мое сомнение, и уменьшает мое доверие к тебе. Где же это письмо?

Гейдар-Хан.

Повелитель мой, содержание третьего письма известно Вам. В нем, главным образом, говорилось о победе Надира над Афганцами... Что касается честности Надира, то я в сомнении... Великий государь, обратили ли Вы внимание на слова Надира, который так надменно сказал: „Я приобрел доверие и любовь всего войска“. Что это значит?

Шах-Тахмаз.

Ты в этом уверен?

Гейдар-Хан.

Да, повелитель мой. Что у Надира дерзкое намерение—это мне как солнце ясно. Чтобы предотвратить беду, его немедленно надо заключить в тюрьму, и таким образом лишить его возможности склонить на свою сторону высших сановников.

Шах-Тахмаз.

Да... да... Если так, то пусть возьмут его под стражу, пусть знает людей, что ему место в тюрьме, а не на троне Сававитов.

Гейдар-Хан (самодовольно).

Будет исполнено! (Вынимает пакет.) Затем, повелитель мой только-что получен письменный договор наш с Турцией. В этом договоре Турция настаивает на том, чтобы правый берег Аракса отошел к ним.

Шах-Тахмаз.

Правый берег? Нет, это невозможно!

Гейдар-Хан.

Да, повелитель мой, это невозможно, но еще невозможнее...

Шах-Тахмаз.

Что же?

Гейдар-Хан.

Война с Турцией в настоящее время немыслима для нас. Отказ же Турции в этом повлечет за собой войну.

Шах-Тахмаз. (упорно смотрит).

Да, война немыслима потому, что нет у нас достойных людей... (сердито.) Я отменяю свой приказ по поводу заключения Надира, я приказываю тебе сейчас же привести его ко мне вместе в визирях.

Гейдар-Хан.

Повелитель мой!..

Шах-Тахмаз (сердито).

Довольно! Немедленно исполнить мой приказ! (Гейдар уходит.) Нет. Я ошибся. Надир, как полководец, необходим!

6-ое явление.

Рза-Хан

Повелитель мой, только что получено известие, что Турция стягивает войска к берегу Аракса.

Шах-Тахмаз (опускает голову).

Да, возможно. Оставайся здесь. Сейчас сюда должен прийти Надир и мы обсудим этот вопрос.

7-ое явление.

(Надир-Хан, Гейдар-Хан, Магомет-Хан и Джафар-Хан).

Шах-Тахмаз (обращаясь к Надиру).

Надир, я милостиво прошу тебя и возвращаю тебе заслуженный титул главнокомандующего. Только-что получено известие, что Турция стягивает войска к Араксу. Нам необходимо немедленно готовиться к отпору.

Надир.

Милость повелителя моего неизмерима (с прошлей), я приношу искреннюю благодарность, но вместе с тем не могу не выразить своего удивления по поводу гнева вашего величества. Я, как полководец, как человек и истый сын Ирана, как честный гражданин, исполнил свой долг. Также самоотверженно и честно исполнил долг моими помощниками (указывает на некоторых) и всем храбрым войском. Окончательно освободив Иран от врагов, мы гордо и весело возвращались домой с кровавых полей; мы торопились именно сюда, в столицу, к ногам повелителя Ирана, чтобы обрадовать его сердце, обрадовать сограждан и вместе с ним торжественно праздновать нашу победу. Вы же, повелитель Ирана, как я слышал, готовили для нас виселицу. За что? Повелитель, я не боюсь смерти за родину, но мне страшна позорная смерть—смерть от рук ваших палачей (смотрит на визирей). Я торжественно перед народом даю клятву, что отныне все мое существование приносится родине

в жертву. Я это доказал, сражаясь в первых рядах. Вы же, находясь под влиянием злонамеренных людей, обвиняли меня в измене. Нет, не я изменник, а тот, кто, благодаря своему слабому, передает бразды правления недостойному визирю. Да, изменник вы и ваш великий визирь! Господа (обращаясь к сановникам) во имя благополучия родины мы должны отказаться от подобных правителей!

Джафар-Хан {  
Рза-Хан { Вы правы! Да здравствует Надир-Шах!  
Магомед-Хан {  
Надир.

Нет, я отказываюсь от трона. Пока есть кто-нибудь из Саванитов, никто не осмелится занять трон Ирана. Пусть Аббас-Мирза будет наследником престола, а из своей среды выберем регента.

Все.

Да здравствует Надир-Шах!!.

(Шум вне сцены): „Да здравствует Надир-Шах“!!.

4-е действие.

6 картина.

Пронесходит в Исфахане. (Кабинет Надира).

Мирза-Мехти (сидя пишет).

Да, это величайшая личность. Его неизмеримая любовь к родине, твердость воли, справедливость, светлый ум, его реформы спасли бы родину. Но жаль, что злонамеренные люди не дают возможности ему осуществлять свои светлые мысли. Ему теперь 46 лет, а выглядит 70-ти летним стариком. Внутренние враги, постоянные сплетни, дразни окончательно сломили его. Все больше и больше заметна в нем апатия к правлению. Один я мог с ним говорить смело обо всем, но теперь и я боюсь его взгляда. Малейшее противоречие раздражает его (встает и идет к дверям). 10 часов, а его еще нет. Раньше с 6-ти часов утра до поздней ночи работал здесь вместе со мною. Вот, кажется, идет?

1-ое явление.

Надир (пауза).

Мирза, ты кончил историю Дагестана?

Мирза-Мехти.

Нет еще, ваше величество, скоро окончу.

Надир.

Поторопись, у тебя много материала?

Мирза-Мехти.

О чем, ваше величество?

Надир.

О внутренних делах, но самое главное — это единение двух сил.

Мирза-Мехти (удивленно смотрит).

Двух сил?

Надир.

Да, двух сил! Не понимаешь? Так послушай: я хочу, чтобы сунниты и шииты слились, чтобы последователи той и другой секты составляли одно целое. Ведь самое главное недоразумение разделяет эти силы...

Мирза-Мехти.

Мысль вашего величества прекрасна, но достижима ли она?

Надир.

Я надеюсь на успех. Рза-Хан сегодня должен доложить мне о результате беседы с Молла-Алекпером. Я начинаю с мулл. Пусть они сознательно, убежденно проповедуют эту мысль в мечетях. Подготовивши здесь почву, я начну переговоры с султаном.

Мирза-Мехти.

Божье благословение!

Надир.

Вторая мысль—это перевод евангелия.

Мирза-Мехти.

С какою целью, повелитель мой?

Надир.

По моему, справедливый государь должен знать религию своих подданных для того, чтобы сообразно религиозным требованиям подданных издавать те или другие законы. Справедливое отношение наше к иноверам, к их религиозным воззрениям, обяжет их считать нашу родину своей и совместно с нами искренно будут стремиться к благосостоянию ее. Наконец, такое отношение возвысит в их глазах ислам.

Мирза-Мехти.

Прекрасная мысль моего повелителя легко достижима.

Надир.

Еще одна мысль меня давно преследует. Это — ограничение прав мулл. По моему мнению, мечети наши приносят 8 миллионов дохода, но как и куда эти деньги расходуются?

Мирза-Мехти.

Не знаю, повелитель мой!

Надир.

Эти деньги поступают к муллам. Нет, эти деньги должны поступать в государственную казну, на эти деньги необходимо открывать школы и медресе, а достойным муллам я назначу жалованье. Эта мера положит конец стремлению многих дефтяев к священническому сану. Наконец, я употреблю все усилия к тому, чтобы в моем государстве не было нищих, за исключением неспособных к труду, для которых необходимо устраивать богадельни.

Явление 2-ое.

Рза-Хан (входит).

Надир.

Рза-Хан, ну что же?

Рза-Хан.

Все мысли вашего величества вкратце были переданы Мола-Алекперу, по?..

Надир (сердито).

Что же по? скажи!

\* Рза-Хан.

Прекрасные мысли шаха не нашли должного сочувствия.

Надир.

Я понимаю: он черни боится, но меня нет. Если так (громко и сердито), то я постараюсь доказать, что не черни надо бояться, а меня... Сию минуту я прикажу обезглавить его и ему подобных мулл. А ты, Мирза, напishi султану о моем намерении! (Уходит, а с ним и Рза-Хан.)

Мирза-Мехти.

Слушаю. И без мулл было много врагов. С ними следовало бы держаться осторожно. Они используют религиозные чувства и, пожалуй, всю чернь поставят на ноги против шаха.

Явление 3-ье.

Джафар-Хан.

Мирза-Мехти-Хан, что это значит? В городе разнесся слух, что царь приказал обезглавить некоторых из мулл?

Мирза-Мехти.

Очень возможно. Он сегодня необыкновенно раздражен!

Джафар-Хан.

К несчастью, сегодня назначена охота.

Мирза-Мехти.

Быть может, сегодня он отменит охоту.

Джафар-Хан.

Едва ли. Я был бы очень рад, так как сегодня с ним опасно ехать...

Явление 4-ое.

Надир (сердито Джафару).

В чем дело, Джафар-Хан?

Джафар-Хан.

Ничего особенного, повелитель мой. Я хотел узнать, состоится сегодня охота или нет?

Надир.

Раз шах назначил, то и будет! (к Мирза-Мехти) Мирза, распорядись, чтобы готовились к охоте! (Мирза-Мехти уходит.) Сегодня охота обещает быть удачной. Как ты думаешь, Джафар?

Джафар-Хан.

Да, ваше величество!

Надир.

Почему ты думаешь?

Джафар-Хан.

Ваше величество говорит.

Надир.

Эх, вы жалкие создания! Если бы все и в серьезных вопросах соглашались со мною.

Явление 5-ое.

Мирза-Мехти.

Повелитель мой, все готово!

Надир (к Джафар-Хану).

Пойдем! (К Мирза-Мехти.) А ты, Мирза, приготовь письмо султану! (Уходят.)

Мирза-Мехти (один).

Необходимо сейчас же приступить к составлению письма (пишет). Еще десяток лет для проведения всех его реформ и Иран спасен.

Явление 6-ое.

Магомед-Хан (вспешно).

Мирза-Мехти-Хан, что это значит? В городе волнение: говорят, что несчастье с шахом?

Мирза-Мехти (бросив перо).

Что случилось?

Магомед-Хан.

Говорят: покушение было?

Мирза-Мехти (растерявшись).

О, несчастный Иран. Закатилось твое солнце!

Магомед-Хан.

После стольких жертв это было неизбежно!

Мирза-Мехти (сердито).

Как. Значит вы знали об этом? (Шум. Надир приводит под руки.)

Явление 7-ое.

(Надир, Рза-Хан, Джафар-Хан, Рза-Кули-Хан, Мирза-Мехти).

Надир.

Неужели злодея никто и не заметил?

Джафар-Хан.

Повелитель мой, наследник сам отправился розыскать злодея, но безрезультатно.

Надир.

Позови его!

Рза-Хан.

Он здесь (Рза-Кули-Хан подходит).

Надир (смотрит упорно в глаза).

Что же, сын мой... Никого ты не встретил?

Рза-Кули.

Нет, отец, никого.

Надир.

Удивительно. (Сердито) Сию минуту розыскать мне этого несчастного злодея. Ну! (Рза-Хан, Джафар-Хан и Рза-Кули-Хан уходят). (Обращаясь к Мирза-Мехти). Мирза, ты видишь, какою благодарностью отплачивает мне народ? Впрочем не народ, а некоторые личности.

Мирза-Мехти.

Вижу, повелитель мой, вижу!

Надир.

Ну, ничего. Рава не совсем опасная. Если ушедшие сейчас не найдут злодея, тогда надо думать, это дело их собственных рук.

Мирза-Мехти Хан.

Повелитель мой, среди ушедших и наследник.

Надир.

Наследник. Да, я больше всех подозреваю именно его, так как еще месяц тому назад меня предупреждали...

Мирза-Мехти.

Нет, повелитель мой, этого не может быть. Мне кажется, все это было известно вашим визирям, а в особенности Магомед-Хану.

Надир.

Магомед-Хан? Пошли за ним! (Мирза-Мехти уходит). Да, уверен, что это дело рук моего сына.

Явление 8-ое.

Мирза-Мехти.

Сейчас, повелитель мой, придет!

Надир.

Так, что же говорит Магомед-Хан?

Мирза-Мехти.

Он сказал, что это неизбежно было.

Надир.

Так. Поэтому, значит, и на охоте не был?

Явление 9-ое.

Магомед-Хан.

Повелитель мой, что это несчастье?

Надир.

Да, как видишь, но почему же тебя сегодня на охоте не было?

Магомед-Хан.

Дочь при смерти, ваше величество.

Надир.

Очень жаль. Не знаешь ли откуда исходит этот заговор?

Магомед-Хан.

Кое-что мне известно, но...

Надир.

Расскажи все, что ты знаешь.

Магомед-Хан.

Мне кажется, наследнику все известно.

Надир.

Наследнику? Значит, ты убежден, что в этом виноват мой сын? Докажи!

Магомед-Хан.

У меня нет резких доказательств, но об этом говорит весь народ.

Явление 10-ое.

(Рза-Хан и Джафар-Хан входят).

Надир (к Джафар-Хану).

Ну что же?

Джафар-Хан.

Повелитель мой, когда мы вышли отсюда, наследник нам сказал: „я сам разыщу этого злодея“, и собрав несколько человек, вышел из города.

Надир.

Да... да... видно его трон сильно заманивает. (Сердито) Скорее, скорее его сюда! Пауза. (Магомед-Хан, Джафар-Хан, Рза-Хан уходят. Обращаясь к Мирза-Мехти) Мирза, мой враг сидит со мною под одной кровлей, а я его ищу в лесу.

Мирза-Мехти.

Повелитель мой, не верьте этому. Это интриги визирей. Наследник любит вас, он не решится на такое гнусное дело.

Надир.

Нет, Мирза, я давно об этом знаю и только последнее его действие еще больше подтверждает участие его в заговоре. Зачем он без визирей пошел искать злодея? Я знаю, что он меня любит сильно, но последнее время он еще сильнее стал любить трон... Нет, нет, я сегодня прикажу выколоть ему глаза, чтобы трон Ирана не сделался достоянием моего врага. Пока власть в моих руках, я постараюсь уничтожить моих врагов, врагов Ирана. Я объявлю народу, что престол переходит не по наследству, а по достоинству! Пусть народ выбирает из своей среды достойного мужа (Шум. Приводят Рза-Кули-Хана).

Явление 2-ое.

(Рза-Кули-Хан, Магомед-Хан, Джафар-Хан, Рза-Хан).

Надир.

Несчастный сын мой, давно ли тебя преследует честолюбие? Неужели ты себя считаешь настолько сильным, что ду-

масишь принести отечеству больше пользы, чем твой отец? Отныне ты мне не сын. Отныне я не должен видеть твоих глаз, а твои глаза не увидят трона Ирана! Ведите его! Ведите его! Сейчас же выколоти ему глаза. Пусть знает он, что я пока повелитель Ирана, пусть знает народ, что я до последней минуты защищал его интересы...

Рза-Кули-Хан.

Дорогой отец, я беспрекословно подчиняюсь твоей воле, но позволь же мне сказать, что я вовсе не виноват. Бог свидетель этому (обращаясь к визирям). Ведите меня, скорее совершайте надо мною то, что приказывает ваш шах и радуйтесь. Не даря губят Иран, а вам подобные визири!... (уходит, а за ним визири).

Надир.

Боже мой! Что за состояние? Ум мой перестает, кажется, работать.

Мирза-Мехти. (на коленях).

Повелитель мой, столько лет я честно служил вам. За всю мою службу я теперь, со слезами на глазах, прошу и умоляю не делать наследника несчастным!

Надир.

Прочь!.. И ты, быть может, участвуешь в заговоре? (Мирза-Мехти удаляется).

Явление 12-ое.

Гюль-Джахан (к ногам Надира).

Повелитель, я прошу тебя во имя всего, что дорого твоему сердцу, не лишись моего сына глаз. Я умоляю тебя, как мать, 20 лет ласкающая эти глаза... я умоляю тебя как жена, столько лет разделяющая с тобой и горе и радость, наконец, умоляю тебя, как гражданка Ирана, требующая расследования дела. Мой сын не виноват, клянусь прахом Магомеда! (плачет).

Надир.

Прочь и ты! Твой сын жертва честолюбия!

7-ая картина.

(Комната Надира. Кровать).

Мирза-Мехти.

Боже праведный, скажешь над Ираном! Великий муж превратился в жалкого несчастного человека. Временами бессвязность речей доказывает близость к умопомешательству. Что будет тогда с Ираном? Власть перейдет к этим бессовестным интриганам. Вчера со слезами на глазах он мне говорит; „Мирза, я совершил такое преступление, которое, кажется, не совершено еще ни одним человеком!“ Оказывается, несчастный наследник сделался жертвою бессовестных дворцовых интриганов.

Явление 2-ое.

Надир (сгорбившись с палкой).

Мирза, то, что я говорил, оправдалось. Я сделал неоправдываемую ошибку, да, я совершил преступление великое! (плачет)

Мирза-Мехти (подходит).

Повелитель мой, не расстраивайтесь! Один бог не ошибается.

Надир.

Да, да... но зачем я безумный не проверил фактов?

Мирза-Мехти.

Известны ли настоящие преступники?

Надир.

Как же. Многие уже казнены, но все это не может меня удовлетворить... (ложится на кровать. Мирза-Мехти после некоторого времени уходит). Нет, я не могу заснуть. Боже, что со мною? Кто там? А? Кажется идут!.. Это мои палачи!.. Стойте, не подходите, дайте мне возможность просить прощения у сы-

на!.. Нет никого... (на коленях) великий аллах! Я страшный преступник, простирая руки, но не прощения прошу, а самой тяжелой жизни (плачет). Великий аллах! Наказавши меня скажешь над Ираном. Пусть процветает мое дорогое отечество (пауза).

3-е явление.

Гюль-Джахан (в трауре).

Надир, что с тобою? (Надир поднимает голову). Надир? (подходит к нему) что случилось?

Надир.

Ничего, разве ты не знаешь, что мне стыдно на тебя смотреть? Да... я преступник, я виноват перед тобою. Прости, прости! (оба плачут).

Гюль-Джахан.

Надир, я к тебе с просьбой. Рза-Кули просится к тебе, хочет получить твоё благословение.

Надир.

Нет, я не могу [встречаться с ним. Мне стыдно, мне страшно. Прошу тебя, умоляю не делать этого.

Гюль-Джахан.

Но позволь мне привести его в то время, когда спишь. Быть может это усюконт его.

Надир.

Это можно (за сценой стучатся). Идем в другую комнату, кажется гости к Рза-Кули (уходят).

Ферраш.

Пожалуйте!

4-е явление.

(Али-Ашраф-Бек, Муса-Бек, Силах-Бек).

Али-Ашраф-Бек.

Как теперь быть?

Муса-Бек.

Нечего время терять. Мы дали клятву и должны исполнить. Надо начать с Ферраша.

Салах-Бек.

Начинай ты!

Муса-Бек.

Ферраш!

Ферраш.

Что вам нужно?

Муса-Бек (показывает много золота).

Скажи мне, что ты предпочитаешь: эти деньги и титул Хана, или вечное, угнетенное положение у дверей шаха?

Ферраш.

Конечно, титул хана и деньги!

Муса-Бек.

Если так, то ты должен исполнить нашу просьбу. Сегодня или завтра народ низвергнет Надира с престола. Престол займет наш родственник и ты получишь нами обещанное. А чтобы ускорить это дело, необходимо убить Надира... Что же ты задумался? Ведь, пойми, что завтра же улыбнется твое счастье: ты получишь целую провинцию и ею будешь управлять.

Ферраш.

Да... Что же мне теперь делать?

Муса-Бек.

А вот что: ты притворись спящим и оставь двери открытыми, а часовые нас пропустят. Согласен?

Ферраш.

Да.

Муса-Бек.

На, тебе, пока (дает горсть золота). Теперь скажи нам, где спит Надир?

Ферраш.

Он последнее время спит здесь и почему то удаляется от своих.

Муса-Бек.

Отлично. Мы идем, а ты будь готов сегодня же!

Ферраш.

А что мне сказать, если спросят?

Салах-Бек.

Скажи, что хотели только узнать о здоровье Рза-Кули-Хана (уходят).

Ферраш.

И действительно, шах и без того в скором времени умрет. Он уже в состоянии умопомешательства. По крайней мере я завтра сделаюсь ханом. Это не дурно!

5-е явление.

Надир.

Куда же гости делись?

Ферраш.

Они спрашивали о здоровье Рза-Кули-Хана. Придут в другой раз (ферраш уходит).

Надир.

Хорошо. Бедная женщина. Бедный несчастный мой сын (ложится на кровать, но через несколько времени вскакивает). Что это со мной делается? Чего от меня хотят? Кто там? Да, да, сын мой!.. Он, он сам, хочет получить благословение. Вот, вот...

ищет руками, ищет меня!.. Я прошу и умоляю тебя, не подходи ко мне!.. Нет, не надо!.. Я не могу!.. не могу!.. (закрывает лицо руками).

6-е явление.

(Али Афран-Бек, Муса-Бек, и Салах-Бек входят).

Муса-Бек.

Лев уже в клетке.

Надир.

Зачем вы здесь? (увидев обнаженные кинжалы, бросается на них и одним кулаком сваливает двух. Салах сзади наносит кинжалом смертельную рану. Они выбегают).

Надир.

Конец моим мучениям.. (падает на колени). Великий алах! Дай мне еще несколько минут жизни, силы, чтобы просить прощения у сына!..

7-е явление.

(Гюль-Джахан с Рза-Кули-Ханом).

Гюль-Джахан.

Я думала, ты спишь. Что с тобою опять?

Надир.

Да, сейчас засну, засну навеки... С тобой сын, дорогой мой... прости меня... отец у твоих ног... (Рза-Кули ищет руками. Гюль-Джахан, увидев кровь, падает в обморок).

Занавес.

## ОГЛАВЛЕНИЕ.

|                                                                                              | Стр. |
|----------------------------------------------------------------------------------------------|------|
| Н. Н. Нариманов. (К 30-летию литературно-общественной и политической деятельности) . . . . . | 3    |
| С. Вельтман. Н. Н. Нариманов — бытописатель Востока. . . . .                                 | 9    |
| „Пир“ (Священный очаг) . . . . .                                                             | 17   |
| Надир Шах (Историческая драма) . . . . .                                                     | 55   |

# НОВЫЕ ИЗДАНИЯ

== НАУЧНОЙ АССОЦИАЦИИ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ СОЮЗА С. С. Р. ==

Вышли и поступили в продажу:

## „НОВЫЙ ВОСТОК“ № 6

стр. 530. Цена четыре рубля.

А. Е. Ходоров и М. П. Павлович — „Китай в борьбе за независимость“, стр. 195. Цена 1 р. 75 к.

В. А. Гурко-Кряжин — „Ближний Восток и державы“, стр. 243. Цена два рубля.

Д. В. Соколов и Н. Н. Тихонович — „Сахалин“, стр. 126. Цена один рубль.

ПОДГОТОВЛЯЕТСЯ СЕРИЯ КНИГ ПО  
ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕ-  
НИЯ В СТРАНАХ ВОСТОКА.

Адрес издательства:

Никольская, 10, Ассоциация Востоковедения.  
Телефон № 73-84.

Цена 75 коп.

01575

P-6500

П. 287

+